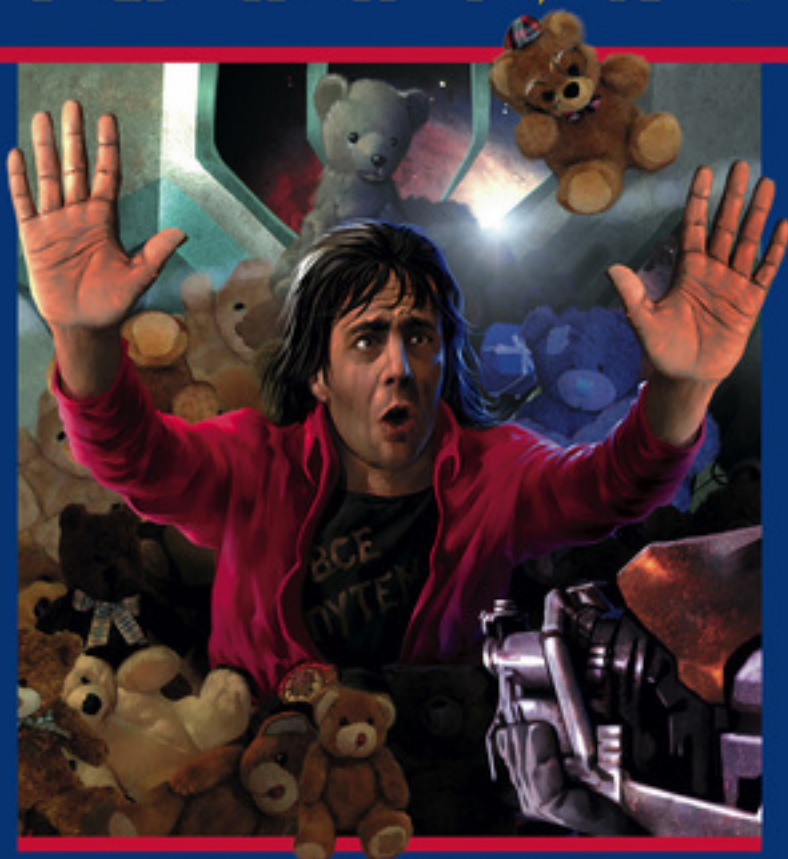

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ
ФАНТАСТИКА

АЛЕКСЕЙ
КАЛУГИН

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ
ГЛЮК

Э К С М О

Алексей Калугин
Галактический глюк

«ЭКСМО»

2003

Калугин А. А.

Галактический глюк / А. А. Калугин — «Эксмо», 2003

На этот раз конкуренция двух спецслужб едва не привела к гибели человечества. Ибо именно этим грозило объявленное Орденом поклонников Хиллоса Оллариушника. Второе Пришествие, которое должно непременно состояться во вселенской комп-сети и, естественно, парализовать ее напрочь. Но даже самые прозорливые агенты Галактической Безопасности, такие, как Вениамин Ральфович Обвалов, не могли предположить, что спасение рода людского придет с мусорной свалки...

© Калугин А. А., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	42
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Алексей Калугин

Галактический глюк

Автор выражает искреннюю благодарность Ордену поклонников Хиллоса Оллариушника и лично Великому Магистру ОПХО за предоставленную возможность изучить архивы Ордена и эксклюзивное право использовать в романе ряд документов.

Желающие получить дополнительную информацию об Ордене поклонников Хиллоса Оллариушника, а также приобрести сувениры с символикой Ордена, могут обратиться по адресу ollariu@land.ru

*Служи по Уставу – завоеешь честь и славу!
Надпись на транспаранте, вывешенном перед входом в казарму*

Глава 1

О том, как свободу пытались выменять на табак и что из этого вышло

Каждый человек, не дававший обет безбрачия, может стать членом Ордена. Для этого он должен обратиться к Великому Магистру или к любому истинному оллариушнику.

Устав Ордена поклонников Хиллоса Оллариушника.

Изначальный вариант. Раздел «О посвящении в оллариушники»

Корабль хлопнулся на летное поле, точно кусок сырого мяса на раскаленную решетку для барбекю, – разве что только не зашкварчал. Просевшие вначале гравитационные рессоры упруго распрямились, и корабль застыл, вознесенный над серым бетонным покрытием, точно монумент в честь героев-первопроходцев, искавших миры, которые могли бы стать для людей новым домом, а находивших по большей части такое, о чем и вспоминать не хочется. Вряд ли кто с уверенностью скажет, что двигало создателями почтового бота серии «Пинта» – кропотливый расчет аэродинамических свойств искривленных поверхностей или же воспоминания о любимых фильмах детства, – только форма корабля в точности соответствовала представлениям творцов эпической кинофантастики о том, как должен выглядеть транспорт инопланетных агрессоров. Не требовалось богатого воображения для того, чтоб сравнить «Пинту» с двумя глубокими тарелками, одна из которых накрывала другую, – была в свое время у домохозяйек привычка сохранять таким образом остывшую еду, случись супругу опоздать к ужину. Если же причина опоздания звучала неправдоподобно, тарелки с ужином летели отцу семейства в голову, – отсюда и расхожее название летательных аппаратов класса «Пинта».

Едва корабль принял устойчивое положение, как из него выпал трап о трех ступенях. По трапу быстро сбежал невысокого роста коренастый человек, одетый в голубые джинсы, черную майку с серебристой надписью «Все путем!» поперек груди, распахнутую малиновую ветровку и мягкие кожаные мокасины ядовито-зеленого цвета. Судя по всему, человек не утруждал себя заботой о прическе и к парикмахеру навещался нечасто, – густые темные волосы, отросшие ниже воротника, были попросту зачесаны за уши. Что еще можно было сказать о нем? Наверное, следует отметить, что лицо у него было доброе и приветливое, но присутствовало в его внешности нечто такое, что не позволяло незнакомым людям фамиллярничать или

же относиться к нему с покровительственной снисходительностью. А взгляд его мог заставить слишком навязчивого собеседника почувствовать, как по позвоночнику, точно змейка, скользит неприятный холодок.

Человек в малиновой ветровке спрыгнул на иссеченное большими и малыми трещинами покрытие летного поля, и трап тотчас же исчез в недрах корабля. Открыв ячейку дактилоскопического замка, человек приложил к ней большой палец левой руки, удовлетворенно хмыкнул, щелкнул пальцами и, пригнув голову, выбрался из-под днища корабля. Оказавшись под открытым небом, серо-стальной цвет которого напоминал о том, что природа далеко не всегда благосклонно настроена в отношении человека, он, как и положено, первым делом глянул по сторонам.

От всего остального мира космопорт прятался за трехметровым бетонным забором, край которого был виден даже с того места, где приземлился почтовик. С десятка кораблей, среди которых оказалась «Пинта», были далеко не новыми, а пару моделей, что сразу приметил прилетевший на почтовом боте человек, с радостью принял бы в дар музей космоплавания. Конечно, при условии, что даритель взял бы на себя все расходы по очистке раритетов от ржавчины и коросты. Среди всей этой антикварной рухляди выделялся правильностью линий, изысканностью форм и матовым отсветом лучей заходящего светила на обшивке новенький транспортник «Бродерик-012». Должно быть, кто-то в администрации космопорта имел представление о том, сколько стоит такая игрушка, – корабль был обнесен широкими красными лентами, отмечавшими охраняемый периметр.

В той стороне, где медленно падало за горизонт местное светило, почти такое же большое и рыхлое, как земное солнце на закате, на самом краю летного поля стояла пара невысоких построек – не иначе как административные здания, а может быть, еще и зал для встречи особо важных персон. Именно оттуда в направлении «Пинты» не спеша шествовали двое. Прибывший на почтовике решил не спешить на randevu с представителями местной власти. Он сложил руки на груди и, привалившись плечом к посадочной опоре, принял небрежную позу.

Пара, искавшая с ним встречи, имела вид внушительный, хотя и несколько странноватый. Оба представителя власти были одеты в форму из черной кожи – брюки, заправленные в высокие ботинки, короткие куртки с узкими погончиками, на головах – кепи с широкими козырьками. Хотя, нет, все же это была не кожа, а кожзам. Неплохого качества, но все одно – дешевка. Некоторое уважение вызывали разве что короткие автоматы с откидными прикладами. Модель «паркер» – не новая, но добротная, удобна в обращении и, что самое главное, на редкость надежная. Магазин на сто тридцать две разрывные капсулы. В некоторых дальних колониях «паркеры» до сих пор стоят на вооружении. Что и говорить, хороший автомат. Беда лишь в том, что оружие в руках нередко делает человека излишне самоуверенным. Вот и эти двое в черном кожзаме держали автоматы, как женские сумочки – повесив на плечо и придерживая локтем, – из чего можно было сделать вывод, что ни у одного из этих олухов оружие даже не снято с предохранителя. Должно быть, успели просканировать «Пинту» и знали, что весь экипаж почтовика состоит из одного человека. Вот он – стоит перед ними открыто, не таясь. Да и что ему было таить – он пришел с миром.

Охранники остановились в двух метрах от человека с «Пинты».

– Хау, мэньш, – медленно, растягивая слова, произнес один из них.

– Бог ты мой! – расплылось в радостной улыбке лицо человека с «Пинты». – Старый добрый старжик! Поистине, стоило пролететь пол-Галактики только ради того, чтобы услышать этот удивительный древний язык, столь несправедливо забытый в других уголках Вселенной!

– Кончай трепаться, – прервал его охранник. – Ты шо сюды прифлаел?

Лицо гостя приобрело обиженное выражение.

– Признаться, я рассчитывал на более теплый прием.

– Цедули давай, – охранник протянул ладонь, широкоую, как совковая лопата.

– Прошу вас, – тут же подал ему пластиковую карточку удостоверения личности человек с «Пинты».

– Вениамин Ральфович Обвалов, – охранник сравнил лицо стоявшего перед ним человека с фотографией на документе, после чего уверенно заявил: – Цедуля левая.

– Согласен, – не стал спорить Вениамин. – Но, во-первых, я не вижу ничего предвзятельного в том, чтобы пользоваться фальшивыми документами, во-вторых, сделано удостоверение хорошо, в-третьих, зовут меня именно так, как в нем указано, в-четвертых, других документов у меня все равно нет.

– С какой целью ты прифлаел на Веритас?

– Я не собираюсь обсуждать свои планы с тупыми охранниками, – мило улыбнулся Вениамин. – Или, как вас здесь называют, – джаниты?

– Я так понимаю, официального приглашения у тебя нет, – недобро прищурился джанит.

– Правильно разумеешь, – одобрительно щелкнул пальцами Вениамин.

– По сему поводу, в соответствии со статьей двадцать семь, пункт три Официального уложения планеты Веритас, ты есть prisoner.

– Хазер! – презрительно усмехнулся Вениамин, уверенно переходя на старжик. – Мне вообще неинтересно с вами гуторить, хайваны. Ведите меня к своему чифу – с ним гуторить буду.

Второй джанит, молчавший все это время, пребывал в некотором замешательстве – должно быть, он был не чужд рефлексии и откровенная наглость Обвалова казалась ему подозрительной. А вот разговорчивый приятель его повел себя именно так, как и ожидал Вениамин, – прорывав что-то нечленораздельное, джанит сорвал с пояса наручники и сделал шаг вперед. О том, что при задержании может понадобиться автомат, бедняга не подумал. Вениамин поймал разъяренного джанита одной рукой за шею, другой – за плечо и, чуть отклонившись в сторону, только помог ему продолжить начатое движение. Джанит врезался лбом в посадочную опору «Пинты» и, обхватив ее руками, точно изгнанник, вернувшийся после долгих скитаний к родным березкам, упал на колени. Козырек из плотного кожама смягчил удар, но на какое-то время сознание джанита помутилось. Напарник его схватился было за автомат, но холодный взгляд серо-стальных глаз Вениамина вкупе со стволом «паркера», направленным ему в живот, вынудили джанита поднять руки.

– Плиз, брось трахтомет на землю, – вежливо попросил Вениамин.

Опустив одну руку, джанит позволил автоматному ремню соскользнуть с плеча.

– Аригато, – улыбнулся Вениамин. – Лови, – и кинул наручники.

Джанит поймал наручники и в недоумении уставился на Вениамина.

– Защелкни один ринг на руке, – велел Вениамин.

Джанит пожал плечами, словно хотел сказать, что не видит в этом никакого смысла, но все же поступил благоразумно – спорить не стал и окольцевал свое левое запястье.

– Другой ринг – на руку своему сыберу, – стволом автомата Вениамин указал на джанита, сидевшего в обнимку с посадочной опорой. – Шибче, – добавил он, заметив, что джанит медлит, и для убедительности повел в его сторону ствол автомата.

Джанит подошел к напарнику и застегнул кольцо наручников на его правом запястье.

– Славненько, – Вениамин поднял с бетонного покрытия второй автомат и повесил себе на плечо. – Теперь помоги ему подняться.

Джанит послушно подхватил приятеля под локоть. Тот уже почти пришел в себя, но все еще плохо соображал, – тряс головой и бубнил что-то невнятное.

– В комендатуру, – сказал Вениамин.

Джанит, которому не пришлось проверять прочность своего лба при контакте с посадочной опорой, неодобрительно глянул на Вениамина.

– Горбатого лепишь, мэньш, – тихо произнес он. – Тебе за это только срок добавят.

– А тебе шо за забота? – усмехнулся Вениамин.

– Верни трахтометы, и поговорим обо всем по-человечески.

– Найн, камрад, – отрицательно качнул головой Вениамин. – У тебя уже был шанс поговорить. Теперь придется от чифа сектым получить. Барабез, мэньш, показывай кыр!

Скованные за руки джаниты медленно, с неохотой зашагали по направлению к серым постройкам на краю летного поля. Их можно было понять – кому охота получить выволочку от начальства плюс взыскание по службе за проявленную самонадеянность и демонстративную тупоголовость. А потом ведь и приятели засмеют – надо же, чужак голыми руками разоружил двух джанитов! Но Вениамина сейчас меньше всего интересовали душевные муки пленников. Он хотел поскорее добраться до более высокого чина, с которым можно вести нормальный деловой разговор. А то еще, чего доброго, приметит кто, что это чужак ведет под конвоем посланных за ним джанитов, и вышлют ему навстречу новую группу самонадеянных обормотов. Что тогда, стрельбу открывать? Кому это нужно? Никому! Именно поэтому Вениамин то и дело покрикивал на своих попутчиков:

– Темпо, бади, темпо! Шо вы прям як вареные! Шибче перебирайте ногами! Мув!

Близилась сумерки, и на свежем воздухе было не сказать чтобы прохладно, но тем не менее Вениамин не жалел, что, покидая корабль, накинул ветровку. Хотя столица Веритаса, в которой Обвалов рассчитывал провести два-три дня, носила название Гранде Рио ду Сол, на завтра синоптики обещали пасмурную погоду с возможным дождем.

Троица, в которой Вениамин исполнял роль не Бога Отца, но конвоира, уже почти добралась до серого двухэтажного здания комендатуры, когда из дверей ее вышли двое джанитов – по счастью, невооруженные.

– Стоять! – рявкнул Вениамин, вскидывая второй автомат.

Когда Обвалов хотел, голос его звучал в диапазоне иерихонской трубы. Стены постройки не рухнули, но джаниты замерли точно громом пораженные. А один из них даже глянул на небо опасно, не иначе как ожидая потоков серы, что сей же час должны были пролиться ему на голову.

– Мув! – Вениамин ткнул стволом автомата джанита, который был головой покрепче.

Скованная парочка затопала живее. А те, у дверей, так и стояли, глядя на них. И вовсе не потому, что боялись двинуться с места, – просто не могли осмыслить происходящее. Должно быть, в космопорте Гранде Рио ду Сол подобные казусы прежде не случались.

– Где чиф? – спросил Вениамин у джанитов, с которыми пока не свел близкой дружбы.

– У себя в руме, – ответил один из них и взглядом указал на дверь.

Вениамин умело затолкал слабо сопротивляющихся пленников в приоткрытую дверь.

– Оставайтесь здесь, – приказал Обвалов двум ошалело смотрящим на него джанитам. – В дом никого не пускать!

– А шо за бизнес-то? – осторожно поинтересовался один из них.

– Бизнес чрезвычайной важности, – сурово сдвинул брови Вениамин. – Не исключено, шо смикшены государственные интересы. Фирштейн?

Джаниты – сначала один, а, глядя на него, и другой – вытянулись в струнку.

Вениамин окинул служак придирчивым взглядом, коротко кивнул:

– Выполнять! – и скрылся за дверью.

Воспользовавшись тем, что захвативший их в плен чужак задержался на улице, пленники попытались скрыться, но Вениамин все же нагнал их в конце длинного коридора.

– Вы шо ж такое робите, карапеты мерзкие! – Вениамин отвесил обоим по подзатыльнику. – А ну, кажите, где рум чифа?

Джанит, ушибший голову о посадочную опору «Пинты», обиженно шмыгнул носом и указал на дверь, мимо которой только что пробежал. На двери табличка «Чиф-комендант космопорта», красивая, с посеребренными буквами на синем фоне.

– Не хотите чифу на глаза попадаться? – с пониманием посмотрел на пленников Вениамин.

Джаниты дружно затрясли головами.

– Но, – Обвалов с сожалением развел руками, – ничего теперь не сробить. С гостями нужно быть вежливыми, бади.

Распахнув дверь, Вениамин втолкнул в кабинет чиф-коменданта упирающихся джанитов, после чего зашел и сам.

– Мархабан! – с порога приветливо улыбнулся Обвалов чрезвычайно упитанному человеку, вальяжно раскинувшемуся в кресле за столом.

Чиф-комендант ухватился обеими руками за край стол, подтянулся с усилием и принял положение, близкое к горизонтальному, – насколько позволял необъятный живот.

– С кем имею бизнес? – голос толстяка звучал столь невыразительно, что слова, произносимые им, казались лишены смысла.

– Я – гость! – расплылся в улыбке Вениамин.

– Гость, – задумчиво повторил комендант. – Гость откуда?

– Оттуда, – Вениамин указал стволом автомата вверх.

Чиф-комендант посмотрел на потолок, после чего перевел взгляд на скованных наручниками джанитов.

– А эти?

– Эти пытались меня арестовать, – с обидой в голосе произнес Вениамин. – А один из них даже угрожал мне трахтометом. Мне пришлось прибегнуть к допустимым методам самообороны.

Глядя на стыдливо потупившихся джанитов, чиф-комендант задумчиво мял пальцами правое ухо.

– Он с «Пинты», – едва слышно подал голос джанит с ушибленной головой.

Толстяк перевел полусонный взгляд на Вениамина.

– С «Пинты», значит?

– Значит, с «Пинты», – подтвердил с улыбкой Вениамин.

Чиф-комендант постучал пальцами по столу, облицованному дешевым пластиком, неудачно имитирующим дерево. Все пальцы у него были одной длины, как будто кто-то ударом топора выровнял их по мизинцу. Раз, два, три – и! – очередной удар не по столу, а по пьезоклавише. Включился стоявший на углу стола комп-скрин, и чиф-комендант уперся в него взглядом. Следивший внимательно за выражением лица чиф-коменданта, Вениамин готов был поспорить – толстяк рассматривает неприличные картинки. И при этом ему вроде как дела никакого не было до того, что по другую сторону стола стоит вооруженный автоматами чужак, пленивший двух его бойцов. Продолжалось это минут пять, и Вениамин стал уже всерьез задумываться над тем, верную ли тактику поведения выбрал, когда сонный взгляд коменданта неспешно переполз с комп-скрина на обиженного гостя.

– Ведаешь, сколько статей Официального уложения планеты Веритас ты нарушил?

Скорее всего это был вопрос. Но голос чиф-коменданта звучал столь безучастно и вяло, что можно было подумать, ответ его несколько не интересовал. Вениамин чуть было не покачал головой – повидал он флегматиков на своем веку, но такого, как этот, прежде встречать не доводилось. И как ему только с таким темпераментом удалось дорваться до руководящей должности?

– Сори, я гуторю с чиф-комендантом космопорта? – поинтересовался на всякий случай Вениамин.

Толстяк медленно опустил на глаза морщинистые, словно у черепахи, веки – должно быть, это означало положительный ответ.

– Мне сообщили, шо я нарушил статью двадцать семь, пункт три, – ответил на заданный ему вопрос Вениамин.

На лице чиф-коменданта появилось нечто, отдаленно напоминавшее усмешку.

– Эта статья подразумевает ответственность за незаконное проникновение в сектор пространства, подконтрольный суверенной планете Веритас. Еще статья тридцать три, пункт семь, статья двести двенадцать, подраздел двадцать два, статья восемьдесят три, пункт два, дробь двадцать два и статья пятьсот пятьдесят три прим.

Голос чиф-коменданта не умолк, а как будто провалился в его необъятную утробу. На лице толстяка появилось сосредоточенное выражение, словно он прислушивался к тому, что происходило у него внутри.

– Ты закончил? – осторожно, боясь прервать какой-нибудь важный физиологический процесс, поинтересовался Вениамин.

Чиф-комендант недовольно крикнул, будто на самом интересном месте его оторвали от изучения справочника по анатомии.

– Тебе мало?

– Ара, мне трудно так сразу ответить на твой вопрос, – смущенно улыбнулся Вениамин. – Я не знаком с Официальным уложением планеты Веритас, а потому не могу понять, в чем именно меня обвиняют.

Чиф-комендант наморщил нос. Вениамин решил, что он собирается чихнуть или высморкаться, но чиф-комендант только засопел, как прокисшая бутылка пива.

– После незаконного проникновения в пространство планеты Веритас ты, не имея особого допуска, посадил свой флаер в столичном космопорте. А перед этим грохнул на орбите пограничный спутник.

Толстяк умолк и снова засопел.

– Это только две новые статьи, а ты гуторил о четырех, – напомнил Вениамин.

– Нападение на официальных представителей власти и незаконное завладение оружием, – чиф-комендант тяжело и безнадежно выдохнул: – Алес.

Решив, что пришла его пора, один из джанитов гордо вскинул голову.

– Алес, мэньш, снимай ринги, – и поднял руку, прикованную к руке напарника.

– Хазер! – осадил его Вениамин.

Джанит хотел было возмутиться, но ствол автомата, приставленный к шее, заставил его воздержаться от совершенно неуместных в данной ситуации слов.

Толстяк за столом наблюдал за происходящим с отрешенным видом буддистского монаха.

– Сори, чиф, – улыбнулся Вениамин. – Но должен заметить, твои подчиненные исключительные хайваны.

Начальник поджал губы, что было расценено Вениамином как молчаливое согласие.

– Мозгую, мы с тобой быстро разберемся с проблемой. Во-первых, я готов освободить двух недоумков, с которыми тебе приходится мыкаться, – Вениамин кинул на стол ключ от наручников.

Один из джанитов тут же потянулся за ним, но чиф-комендант накрыл ключ ладонью.

– Дальше, – посмотрел он на Вениамина.

Вениамин положил на стол оба автомата.

У джанитов хищно блеснули глаза.

– За грохнутый спутник я готов заплатить столько, шо взамен этому олди можно будет купить новье.

Начальник комендатуры почесал пальцем нос. Весьма невыразительно, надо сказать, почесал.

– Алес?

– А шо еще? – недоумевающе развел руками Вениамин.

– Як насчет незаконного проникновения и посадки?

– Нет проблем, чиф-джан! – Вениамин еще шире развел руки – теперь это был жест воодушевления. – Я прошу политического убежища!

Чиф-комендант медленно провел языком по толстым губам и уставился в комп-скрин. Можно было подумать: там у него инструкция, в доступной форме толкующая, как следует поступать в случае, когда явившийся невесть откуда чужак, сбивший по дороге пограничный спутник, а затем разоруживший пару охранников, в итоге просит политическое убежище.

– Планета Веритас является частной собственностью Ордена поклонников Хиллоса Оллариушника, – по-прежнему глядя в комп-скрин, медленно произнес чиф-комендант.

– Ну, кто ж этого не ведает! – изобразил недоумение Вениамин.

Толстяк глянул на Обвалова из-под бровей.

– Ты знаком с Уставом Ордена?

– Найн, – не стал кривить душой Вениамин. – Но, в любом случае, я готов выполнять все обряды и свято хранить заветы, оставленные нам Хиллосом.

– Ты не оллариушник, – покачал головой чиф-комендант.

– Кто тебе за это гуторил? – вполне искренне удивился Вениамин.

– Сам разумею, – пальцы коменданта приподнялись и один за другим упали на крышку стола, выбив короткую, но весьма выразительную дробь.

– Хай, тебе виднее, – Вениамин сделал шаг вперед, оперся руками о край стола, подался вперед и произнес вполголоса: – Но я готов сделать тебе предложение, от которого, мозгую, ты не сможешь отказаться.

Левая бровь коменданта едва заметно приподнялась. Сей знак мог означать все что угодно, и Вениамин истолковал его по-своему.

– Убери отсюда этих салазганов, – бровью повел он в сторону притихших джанитов. – И мы с тобой спокойно обо всем погуторим.

Чиф-комендант посмотрел Вениамину в глаза. Взгляд у толстяка оказался на удивление тяжелым и сильным. Но Обвалов тоже не впервой играл в гляделки. Выждав какое-то время, Вениамин заговорщицки подмигнул чиф-коменданту и снова взглядом указал на джанитов. Чиф-комендант взял со стола ключ и, не глядя, кинул его джанитам. Тот, что был поумнее, поймал ключ и стал торопливо открывать замок наручников.

Освободившись, джаниты почувствовали себя увереннее. словно пара цепных псов, готовых по первому знаку хозяина кинуться на чужака, стояли они теперь за спиной Вениамина.

– Возьмите трахтометы и ждите за дверью, – проронил чиф-комендант.

Вениамин улыбнулся. Он не видел джанитов, но был уверен, что выражения их лиц свидетельствуют о глубоком разочаровании. Не такого, ох, совсем не такого приказа ждали они от хозяина.

Как только за разобиженными джанитами закрылась дверь, Вениамин сел на стул и, вольготно откинувшись на спинку, закинул ногу на ногу. Ожидая вопроса, он держал паузу. Но чиф-комендант хранил молчание, лишь пальцы его время от времени ударяли по столу. Он, видимо, никуда не спешил, и ему было абсолютно безразлично, как долго собирается просидеть в его кабинете незваный гость. Пришлось Вениамину снова брать инициативу на себя.

– Ара, инц лясир, – Вениамин наклонился и положил локоть на края стола. – У меня на флаере двадцать пять бэгов первосортного вирджинского табака, выращенного на Тютюне-6.

– Контрабанда, – процедил сквозь зубы комендант.

– Я бы гуторил – частный груз, – улыбнулся Вениамин. – Но суть не в названии. Мне на хвост сел патрульный флаер, поэтому пришлось вломиться к вам без стука. Теперь я прошу политическое убежище, – Вениамин сделал жест рукой, предупреждая возможные возраже-

ния. – На время! До тех пор, пока патрульным не надоест ждать, когда вы меня выпрете. За это я готов выплатить прайс грохнутого сателлита. И лично тебе, чиф, – Вениамин щелкнул пальцами и направил указательный на собеседника, – пять бэгов груза. Ну шо, кирдык?

Чиф-комендант космопорта провел ногтем большого пальца по обвислому подбородку, бросил зачем-то взгляд на комп-скрин и цыкнул языком меж зубов.

– Истинные оллариушники взяток не берут, – это был не вызов, а как бы констатация факта.

– Ха! – будто восхищаясь мастерской игрой актера, Вениамин хлопнул ладонью о ладонь. – А ты, чиф, чувствуешь толк в торговле! Ладно, десять бэгов.

Чиф-комендант медленно качнул головой из стороны в сторону.

– Ты не оллариушник.

– Точно, – подтвердил Вениамин. – И я готов отдать тебе пятнадцать бэгов за то, чтобы на время им стать.

Чиф-комендант никак не отреагировал на столь щедрое предложение – можно было подумать, у него уши заложило.

– Сори, но больше дать не могу, – с сожалением развел руками Вениамин. – Иначе сам останусь в прогаре.

Чиф-комендант ткнул пальцем в пьезоклавишу, чтобы выключить комп-скрин.

– Кретин, – произнес он вполголоса.

– Инчэ? – удивленно поднял бровь Вениамин.

Толстяк посмотрел на Вениамина, точно на недоумка.

– Твой флаер стоит в моем космопорту. Это значит, весь груз мой.

– Нот, стэй! – протестующе взмахнул рукой Вениамин. – Мы так не договаривались!

Чиф-комендант провел пальцами по нижней губе, будто снимая прилипшую соринку.

– Я с тобой вообще ни о чем не договаривался.

– Стэй, стэй! – еще энергичнее замахал руками Вениамин. – Мы можем договориться! Тебе ведь нужно будет сбыть табак.

– Мозгуешь, я не ведаю, як то сробить?

Не дожидаясь ответа, чиф-комендант ударил кулаком по столу, да так, что комп-скрин подпрыгнул. Тотчас же с треском распахнулась дверь – и в кабинет влетела пара приснопамятных джанитов, оба злые как черти. Начальнику было достаточно пальцем указать на Вениамина, чтобы джаниты налетели на него, повалили грудью на стол, завернули руки за спину и нацепили наручники. А один из псов еще схватил Вениамина за волосы и ткнул лбом в стол – хотел нос расквасить, да не удалось.

– Уберите этого чмурилу, – по-барски небрежно велел толстяк подчиненным.

– В участок? – спросил один из джанитов.

– К черту участок, – недовольно скривился чиф-комендант. – В «Ультима Эсперанца». Сопроводилку на него я уже отправил.

– Ну, сучий потрох, – зло глянул на толстяка Вениамин.

И тут же получил прикладом автомата меж лопаток, да так, что едва на ногах устоял.

– Во имя Хиллоса, Уркеста, Сидуна и детей их оллариушников! – азартно рявкнул толстяк. – Оллариу!

И осенил голову Вениамина широким жестом, смахивающим на крестное знамение. А может быть, просто взмахом руки велел джанитам убираться.

Глава 2

Речь в которой идет, главным образом, о несовершенстве мира

В отличие от оллариушиников – всех, не дававших обета безбрачия людей, которые могут и хотят, истинный оллариушиник – только тот, кто вступил в Орден.

Устав Ордена поклонников Хиллоса Оллариушиника. Изначальный вариант.

Раздел «О правах и обязанностях Истинных оллариушиников» (примечание)

Само собой, били. Но не так чтобы очень. Не со зла, а вроде как в силу необходимости. Во всяком случае, когда флипник остановился и распахнулась задняя дверца, Вениамин смог сам выйти из машины. Он не успел понять, где оказался, а его уже втолкнули в темный предбанник.

Вениамин попытался сделать шаг вперед и уперся лбом в металлическую стену.

– Эй! – позвал негромко Вениамин.

Никто не ответил.

Вениамин обреченно вздохнул и приготовился ждать.

Ожидание затянулось на несколько часов. Вениамин пытался присесть на корточки, но в узком предбаннике, со скованными за спиной руками, сделать это оказалось непросто. Руки затекли, ныла спина и плечи, по которым особо старательно били его попутчики. Душно, как в душегубке, – дышать нечем, точно целлофановый пакет на голову натянули. И тишина – внятная и определенная, как уже вынесенный приговор.

Вениамин едва ли не с радостью рванулся вперед, когда дверь наконец-то открылась. И сразу же оказался в руках двух джанитов, но уже не тех, с которыми он свел знакомство в космопорте и так мило провел время во флипнике.

Достаточно было бросить взгляд на узкий, выкрашенный грязно-серой краской коридор, на забранные частой сеткой светильники под потолком, а главное – на решетку с прутьями, толщиной в два пальца, чтобы понять, что означали слова «Ультима Эсперанца». Тюрьма она и есть тюрьма, как ее ни назови. Оставалось надеяться, что «Ультима Эсперанца» была не самой плохой тюрьмой в Гранде Рио ду Сол. В противном случае можно было окончательно разувериться в людской добродетели. А ведь не хотелось.

– Мархабан, бади, – заискивающе улыбнулся джанитам Вениамин. – Меня Вениамином кличут. Я только сегодня прифлаел на Веритас. Но мне с первого взгляда здесь понравилось. С чиф-комендантом космопорта у нас случились непонятки. Ну, сами разумеете, когда два мэнша, чьи взгляды не во всем совпадают...

– Шат ап, – оборвал Вениамина один из джанитов.

Другой толкнул в спину – не сильно, но вполне определенно – в направлении решетки:

– Мув!

– Хочу официально заявить, что ни в чем противозаконном я не замикшен, – счел нужным добавить Вениамин.

После чего снова получил толчок в спину.

Втроем они подошли к перекрывшему коридор частоколу из прутьев. Джанит сделал знак своему коллеге, находившемуся по другую сторону решетки. Тот повернулся к щитку на стене и набрал семизначный – Обвалов взглядом точно зафиксировал каждое движение пальца джанита – код доступа. Прутья, сделанные из металлокерамики с изменяющейся кристаллической

структурой, изогнулись, открывая узкий полукруглый проход – только-только одному бочком протиснуться.

– А шо ж вы робите, когда prisoner по габаритам не проходит? – пролезая меж прутьев, поинтересовался Вениамин.

– Ждем, когда дойдет до кондиции, – усмехнулся джанит, охранявший решетку.

То ли он был разговорчив по природе, то ли ему было скучно стоять одному на контроле, только поболтать он был явно не прочь. Но Обвалову так и не удалось сполна насладиться беседой со словоохотливым джанитом. Услышав в очередной раз за спиной «Мув!», Вениамин улыбнулся стражу ворот, словно бы извиняясь за то, что не может задержаться подольше, и продолжил свой скорбный путь по тюремному коридору.

– Слушайте, бади, – обратился Вениамин к своим провожатым. – Мэй би, снимете с меня ринги? Руки затекли, индид.

– Мув!

Ну что за народ! С ними по-человечески, а они на тебя рычат, точно на скотину какую. Оллариушники, называется, религиозные вроде как люди. Где традиционное гостеприимство? Человеколюбие, спрашивается, где? Где, в конце концов, милость-то к падшим? Не иначе как засиделись на теплом месте, позабыли о том, что мир несовершенен и от суммы да от тюрьмы никто тебе страховку не даст.

Но, как бы там ни было, нельзя не признать, что за последние несколько лет организация пенитенциарной системы сделала огромный шаг вперед. Если в былые времена Вениамина непременно бы обыскали, раздели, обработали каким-нибудь едким антисептиком, а затем обрядили в единую для всех арестантов форму, уродливую на вид и натирающую подмышки, то теперь ему пришлось всего лишь пройти через универсальный сканер и позволить вырвать волос для генетической идентификации личности. А процесс снятия отпечатков пальцев, прежде не очень гигиеничный, свелся к тому, что Вениамин приложил ладони к экрану дактилоскопа. Поскольку ни в карманах одежды Вениамина, ни во внутренних естественных полостях его организма не было обнаружено ничего, помимо поддельного удостоверения личности, то только с ним Обвалову и пришлось расстаться. Сказать по чести, особых сожалений по этому поводу Вениамин не испытывал. Хотя он и пытался убедить джанитов в обратном, документ был подделан грубо. Зато ремень оставили – в сопроводилровке, присланной из комендатуры космопорта, о суицидальных наклонностях арестованного ничего не говорилось. А человек без ремня, со сваливающимися брюками, чувствует себя морально униженным, что, конечно же, совершенно недопустимо с точки зрения Галактической конвенции о правах разумных существ.

Пожалуй, единственная претензия, которую мог предъявить своим тюремщикам вновь поступивший заключенный, сводилась к тому, что никто не желал с ним разговаривать. Какую бы тему ни пытался затронуть Вениамин, ответом ему было либо безразличное молчание, либо односложные реплики, смысла в которых было не больше, чем в звуках сыплющегося на пол гороха.

Наиболее содержательная беседа состоялась у Вениамина со старшим надзирателем корпуса.

– Сори, я могу позвонить по интерфону или послать месидж по гала-сети? – спрашивает Вениамин.

Старший надзиратель внимательно изучает его удостоверение личности.

– Когда состоится разглядение моего бизнеса? – интересуется Вениамин.

Старший надзиратель поднимает взгляд к потолку и задумчиво чешет шею.

– Я могу встретиться с адвокатом? – задает новый вопрос Вениамин.

Старший надзиратель сначала удивленно смотрит на него, а затем как-то странно ухмыляется.

В ответ на просьбу Вениамина сообщить, что именно вменяется ему в вину, старший надзиратель протянул, – что уже было очень мило с его стороны – распечатку сопроводилки с перечислением уже известных Обвалову статей Официального уложения планеты Веритас.

Понимая, что дальнейшие расспросы бессмысленны, Вениамин все же задал еще один вопрос:

– Во сколько ужин?

– Ужин? – старший надзиратель посмотрел на Вениамина таким взглядом, словно тот просил у него денег в займы. – Час назад.

Жестокая судьба все ж таки не упустила случая нанести Вениамину последний, самый тяжелый удар. Что может быть ужаснее, чем посетить тюрьму и не отведать местной кухни? Все! Говорить больше было не о чем, и Вениамин безропотно позволил джанитам препроводить себя в камеру.

Тюремный блок, в который определили Вениамина, находился на втором этаже. Для того чтобы попасть туда, пришлось миновать еще три кордона – в конце коридора, у входа на лестницу и на втором этаже. Если первые две решетки были из металлокерамики с изменяющейся кристаллической структурой, то третья оказалась вполне традиционной. Дежуривший возле двери джанит отпер замок большим металлическим ключом, висевшим вместе с тремя другими на блестящем кольце, и отдернул тяжелый засов.

Доставившие арестанта джаниты сдали его дежурному и, не проронив на прощание ни слова – что особенно задело Вениамина, – развернулись и ушли. Пока охранник запирает дверь, Вениамин успел осмотреть помещение. Собственно, и рассматривать-то было нечего – коридор, такой же, как на первом этаже, только вместо комнат по обеим сторонам ряды узких клеток, набитых людьми. Единственная комнатка, не похожая на камеру, располагалась рядом с дверью на лестницу. Как понял Вениамин, это было дежурное помещение джанитов, присматривающих за заключенными. Именно в ту сторону и толкнул его джанит со связкой ключей, которую он повесил на пояс.

В дежурке расслаблялись двое джанитов. Один возлежал на узкой кушетке и тупо пялился на пластиковое покрытие потолка, которое давно пора было менять. Второй, в расстегнутой до пояса куртке, сидел за столом. В руках у него был тонкий журнал с плюшевым медвежонком на глянцевой обложке. Вениамин хотел было поинтересоваться, какой это номер, но по здравом размышлении решил, что сейчас этого делать не стоит – у него еще будет возможность полистать журнал.

– Новенький? – спросил у Вениамина джанит с журналом в руках.

– Хай, – улыбнулся в ответ Вениамин.

– Выглядишь хорошо.

Не зная, что ответить на это, Вениамин только плечами пожал – мол, спасибо за комплимент.

– Надолго? – этот вопрос был адресован уже джаниту с ключами.

– Включи скрин и посмотри сопроводилку, – мрачно и, как показалось Вениамину, не очень дружелюбно буркнул в ответ тот.

Джанит за столом бросил на коллегу неприязненный взгляд, но все же сделал так, как тот велел.

Лежавший на кушетке джанит продолжал бессмысленно пялиться в потолок, точно и не слышал разговора.

Комп-скрин в дежурке был старенький, не то что у чиф-коменданта космопорта, но, судя по выражению лица джанита, информацию он выдавал интересную.

– Бади, – обратился Вениамин к джаниту с ключами. – Мэй би, снимешь пока с меня ринги?

Джанит даже не взглянул на арестанта, только поморщился недовольно.

Вениамин тяжело вздохнул.

– Ну, як? – обратился он к джаниту, сидевшему за столом. – Надолго меня сюды?

Джанит посмотрел на него поверх скрина.

– С комплитом статей, шо значится в твоей сопроводиловке, мозгую, долго ты тут не удержишься.

Вениамин удивленно поднял бровь:

– Индид?

Джанит не удостоил его ответа.

– В сорок четвертую его, – сказал он тому, что стоял рядом с Вениамином. И весьма многозначительно добавил: – По соседству с Порочным Сидом.

Джанит с ключами усмехнулся – гнусно так – и дернул Вениамина за локоть.

– Мув!

Надзиратель шел не торопясь, а Вениамин и подавно никуда не спешил. Идя по длинному проходу меж камерами-клетками, он внимательно изучал тех, кто в них находился. Контингент был в целом спокойный: мало кто из присутствующих производил впечатление закоренелого преступника или бытового дебошира.

Пройдя чуть дальше середины коридора, джанит остановился возле пустующей клетки. Сняв с пояса кольцо с ключами, он отпер замок, откатил в сторону решетчатую дверь и, не глядя на Вениамина, махнул рукой:

– Давай.

Обвалов послушно вошел в камеру.

За спиной у него мерзко лязгнула дверь и совершенно гадко клацнул замок.

– Руки, – приказал джанит.

Вениамин просунул руки меж прутьев решетки, и джанит наконец-то снял с него наручники.

Растирая затекшие запястья, Обвалов обернулся, собираясь задать надзирателю пару-тройку вопросов по поводу тюремных правил и распорядка дня, но джанит уже топал по направлению к дежурке.

– Сори! – крикнул вслед ему Вениамин. – Во сколько завтрак?

Джанит, не оборачиваясь, махнул рукой.

– В семь, – услышал Вениамин ответ с другой стороны.

Держась руками за прутья решетки, из соседней камеры на Вениамина смотрел парень лет семнадцати, одетый в старые, невообразимо затертые брезентовые штаны и клетчатую рубашку с оторванными рукавами, завязанную на животе узлом. Жесткие черные волосы парня были коротко острижены и стояли дыбом, словно иголки у разозленного ежа. Лицо его было ничем не примечательно, если не считать нескольких красных пятен от прыщей на щеках и подбородке. Зато украшение, висевшее у парня на шее, было необычным, – грубая металлическая цепь с квадратным навесным замком. Можно было биться об заклад, что вся эта бижутерия приобретена на распродаже в скобяной лавке.

– Ты и есть Порочный Сид? – Обвалов подошел к решетке, отделявшей его от парня.

– Точно, – гордо выпятил грудь тот. – Уже слыхал обо мне?

– Немного, – признался Вениамин.

Он окинул взглядом камеру. Два метра в длину, полтора – в ширину. К решетке пристегнут откидной лежак. В дальнем углу – коробка биотуалета. Рядом – умывальник. Под умывальником – сверток с постельными принадлежностями. Если стоять спиной к двери, то по левую руку – Порочный Сид, по правую – пустая камера. Видно, недобор с правонарушителями. Если бы у Вениамина спросили, как бороться со столь явно бросающейся в глаза недоработкой, то он предложил бы сажать за решетку, к примеру, за превышение скорости и переход проезжей части в неустановленном месте. Но, судя по всему, здесь его мнение никого не интересовало.

– Ара, инц лясир, – обратился к Сиду Обвалов. – Ты не ведаешь, когда в последний раз в эту тюрьму заглядывала комиссия по правам разумных существ?

– Инчэ? – непонимающе уставился на соседа Сид.

– Разумею, – кивнул Вениамин. – И других вопросов не имею.

– Ты, похоже, не местный, – прищурился Сид.

– А шо, так бросается в глаза? – насторожился Вениамин.

– Хай найн, – Сид окинул Вениамина оценивающим взглядом. – На вид ты вроде як нормал. А вот гуторишь вещи странные. Якая комиссия по правам разумных существ мэй би на Веритасе? Здесь только Орден! – не отпуская железного прута, Сид выставил вверх указательный палец. – Разумеешь?

– Не совсем, – покачал головой Вениамин. – Ни в какие галактические организации и союзы Веритас не входит, гостей вы тоже не жалуете – меня самого, когда я на посадку заходил, пограничный сателлит едва не грохнул, – откуда же о вас проведаешь?

– А шо тебя на Веритас принесло?

– Патрульные на хвост сели, – Вениамин вскинул подбородок и с деловым видом поскреб пятерней шею. – А у меня на флаере табак контрабандный. Куды было деваться?

Сид усмехнулся и покачал головой.

– Ну, бади, ты влип.

– В смысле? – не понял Вениамин.

– Теперь тебе один кыр – на Мусорный остров.

– На Мусорный остров?

– Не слышал о таком? – лукаво сверкнул глазенками Сид.

– Найн, – признался Вениамин.

– Як, мозгуешь, Орден деньги зарабатывает?

– Не ведаю, – пожал плечами Вениамин.

Прежде чем продолжить, Сид присел возле решетки на корточки – видно, настроился на долгий разговор.

– На Веритасе два континента, – начал он. – Оба находятся в умеренной зоне, только на противоположных сторонах шарика. То есть если проткнуть Веритас спицей так, чтобы вошла она по центру Первого континента, то выйдет острие точнехонько в серединке Мусорного острова.

Растопырив пальцы обеих рук и соединив их кончики, Сид попытался изобразить, как это будет выглядеть. Получилось у него нечто смахивающее на гаргулюю.

– Ты гуторил о континенте, – напомнил Вениамин.

– Ну, хай, – недовольно взмахнул рукой Сид.

– А теперь гуторишь об острове.

– Кличется он так – Мусорный остров, а на самом деле – континент. Только очень маленький. Разумеешь?

Вениамин задумался.

– Первый континент тоже маленький, – сказал он. – Но его-то островом никто не кличет.

– И шо с того? – непонимающе оттопырил губы Сид.

– Хай найн шо, – махнул рукой Вениамин. – Так прогуторил.

– Короче, два континента, – Сид снова изобразил руками шар. – На одном – Гранде Рио ду Сол с прилегающими окрестностями и тюрьмой «Ультима Эсперанца», в которой мы с тобой, бади, сидим, на другом – мусорная свалка. Заплатив гроши, каждый может вывалить туда свои токсичные отходы.

– Каждый житель Первого континента? – спросил Вениамин.

– Ну, ты гуторишь, – усмехнулся Сид. – На Мусорном острове утилизируются отходы со всей Галактики. Вот тебе и статья бюджета.

– Ты мозгуешь, шо утилизация отходов такой выгодный бизнес, шо на доходы от него можно прокормить целую планету? – Вениамин с сомнением покачал головой.

– Не всю планету, а только один маленький континент, – уточнил Сид. – К тому же, як я слухал, на Мусорный остров свозится такая дрянь, якую боле ни в одном месте не примут. Разумеешь?

– Теперь разумею, – кивнул Вениамин.

– Ну, во! – удовлетворенно наклонил голову Сид. – Завтра сам Мусорный остров узришь.

– То есть як? – опешил Вениамин.

– А вот так, – развел руками Сид. – Кто, мозгуешь, весь тот мусор разгребает?

– Осужденные? – как-то совсем уж легко догадался Вениамин.

– Найн, – отрицательно качнул головой Сид. – Не осужденные, а приговоренные.

– Разве для того, шобы приговорить к наказанию, человека не треба сначала осудить?

– Найн, – снова качнул головой Сид.

Вениамин посмотрел на парня с подозрением. Для человека, приговоренного к работам на свалке токсичных отходов, вид у него был слишком уж беспечный.

– Значит, завтра нас отправят на Мусорный остров? – еще раз для верности уточнил Вениамин.

– Индид, – кивнул Сид.

– Всех, – обвел рукой ряды камер-клеток Вениамин.

– Ну, почти всех, – ответил Сид.

– И на якой срок?

– Ты о чем? – удивленно вытаращился на него Сид.

– Когда мы назад вернемся? – иначе сформулировал вопрос Вениамин.

Сид криво усмехнулся. А может быть, поморщился от зубной боли.

– С Мусорного острова не возвращаются.

– Як же там люди живут? Среди токсичных отходов?

– Не ведаю, – пожал плечами Сид. – Я там не был.

Вениамин прошелся по камере, остановился возле решетки, провел ладонью по лицу.

– Хай, ну и порядочки у вас.

На это заявление Сид ничего не ответил – какой смысл обсуждать существующую систему, если изменить ее нельзя. Мир несовершенен, и с этим, увы, ничего невозможно поделывать. И прав тот, кто относится к сему факту с философским спокойствием.

– Тебя как кличут-то? – спросил Сид-философ.

– Вениамин. Вениамин Ральфович Обвалов.

– Зря ты прифлаел на Веритас, Вениамин Ральфович.

Как ни странно, но ни в голосе, ни во взгляде парня не было даже намек на насмешку.

– Ара, инц лясир, Сид. Порочный – это твоя фамилия?

– Найн, кликуха.

– Ты в самом деле порочен?

– Так они разумеют, – пожал плечами Сид.

– Кто? – не понял Вениамин.

– Оллариушники.

– А ты сам разве не из них?

– Я-то? – Сид оскалился, и меж зубов его на мгновение выскользнул кончик языка – точно жало змеиное. – Найн.

Ответ соседа по камере заставил Вениамина задуматься.

– Я мозговал, что на Веритасе все оллариушники.

– Почти все. Кроме тех, хто найн.

– И хто же найн?

– Я!

Гордо было сказано!

– Ты один?

– Хай найн, есть и другие. Мозгую, на Мусорном острове таких, як мы, полно.

– Пуркуа же ты не уфлаишь с Веритаса?

Сид глянул на задавшего вопрос Вениамина, точно на младенца неразумного.

– С Веритаса не уфлаишь. Тут либо будь оллариушником, як все, либо отправляйся на Мусорный остров. Хай и почему я должен уфлаеть? Мой дед высадили на Веритасе, когда здесь еще никаких оллариушников не было! Пусть они и убираются!

Парень разгорячился настолько, что пару раз в сердцах ударил ребром ладони по решетке.

– За шо тебя взяли? – спросил Вениамин. – За то, шо Оллариу вместе со всеми не кричал?

– За саморез.

– Инчэ?

Сид повернулся к Вениамину спиной и скинул с плеч рубашку. Под левой лопаткой багрел свежий шрам – небольшой, сантиметра два в длину, аккуратный.

– Сид, ты забываешь, шо я не местный, – с укоризной произнес Вениамин.

Парень накинул рубашку на плечи и повернулся к Вениамину лицом.

– Я вырезал вживленный идентификатор. Ну, не сам, конечно, – помогли. Но инициатива была моя.

Брови Вениамина поползли вверх, а затем сошлись у середины лба. То, о чем говорил Сид, – если, конечно, Обвалов правильно его понял, – было чудовищно, невообразимо и дико. Требовалось приложить определенное усилие, чтобы поверить, что подобное могло происходить на самом деле.

– Ты хошь прогуторить, шо вживленный идентификатор личности есть у каждого жителя Веритаса? – спросил он для того, чтобы окончательно развеять все сомнения.

– За Мусорный остров ничего прогуторить не могу. А на Первом континенте вживленный идентификатор есть у каждого, хто олдей двенадцати роков.

– То есть джаниты могут легко определить местонахождение любого гражданина, введя соответствующий код в поисковую систему, – в полнейшем замешательстве Вениамин обхватил ладонью подбородок. – Хай, теперь я кумекаю, насколько глуп был мой вопрос о правах разумных существ.

Вениамин сделал два шага по камере, уперся в стену, развернулся и шагнул в обратную сторону.

– Я все мозгую, есть ли идентификатор у Великого Магистра Ордена? – задумчиво произнес Сид. – Ты шо по этому поводу шурупишь?

Вениамин рассеянно посмотрел на Сида.

– Это имеет какое-то значение?

– Хай найн, симпл интересно.

Ничего не ответив, Вениамин продолжал ходить по камере.

Минут десять Сид молча наблюдал за ним, время от времени тяжело вздыхая, – больно было смотреть, как человек мается.

– Хай не переживай ты так, Вениамин Ральфович, – сказал он наконец. – Мозгую, и на Мусорном острове люди живут. Станем держаться вместе, глядишь, и не пропадем.

Вениамин остановился посреди камеры – если, конечно, уместно говорить о центре помещения, в котором с трудом можно было сделать два шага, – щелкнул пальцами и улыбнулся.

– Ось так, Сид, только у меня другие планы.

– Инчэ? – поинтересовался Сид – ненавязчиво, именно так, как и подобает сокамернику, не успевшему съесть с товарищем по несчастью даже пары ложек соли.

– Собираюсь ночью свалить отсюда. У тебя есть на примете кильдим, где можно отсидеться?

Сид, похоже, решил, что Вениамин спятил. Он медленно набрал полную грудь воздуха и чуть приподнял руки, как будто собираясь сказать – ты не волнуйся, дорогой, все будет в порядке – и, может быть, даже постараться улыбнуться после этого. Но – пауза. А затем:

– Отсюда не убежать.

– Ты в этом уверен?

Снова долгая пауза.

– Я не слухал, чтобы кому-то удалось сбежать из «Ульtima Эсперанца».

– Мэй би, потому шо никто и не пытался?

– Ты знаешь, як это сробить?

– Мэй би.

Сид опустил взгляд и в задумчивости, а может быть, в растерянности провел ладонью по волосам. Затем ладонь скользнула вниз и огладила сначала одну щеку, затем другую. Одно дело – верить в то, что ты парень лихой, много чего повидавший, и терять тебе вроде уже нечего. Совсем иное – действительно решиться на отчаянный поступок. В конце концов, и на Мусорном острове люди живут, а вот с пулей в животе не очень-то потанцуешь.

Вениамин подошел вплотную к решетке и взялся за прутья руками.

– Но то цо? – совсем тихо проговорил он. – Кильдим на примете есть?

Сид поднял взгляд, все еще немного растерянный, и серьезно посмотрел на соседа по камере. Он даже не попытался изобразить улыбку – и Вениамину это понравилось.

– Есть.

Глава 3

В которой говорится о том, что делать, когда некуда бежать

*Оллариу – призыв к действию. Оллариу – жизнь, стиль жизни.
Оллариу – род отношений между людьми. Оллариу – удовольствие и
радость. Оллариу – это все.*

Устав Ордена поклонников Хиллоса Оллариушника.

Изначальный вариант. Раздел «О том, что такое Оллариу»

Хотя, казалось бы, деление суток на часы и минуты по сути своей лишь одна из многих условностей, к которым прибегает человек для того, чтобы максимально упростить и отчасти рационализировать свою жизнь, существуют все же часы, наделенные некоей магией, окутанные мистическим ореолом, за каковым скорее всего не кроется ничего, кроме извечного пристрастия людей к ловле черных кошек, где бы они ни появлялись.

И все же, и все же, и все же...

К примеру – полночь. Таинственное и немного пугающее время суток. Неуловимый миг, когда сегодня превращается во вчера, а завтра становится сегодня. Ни объяснений, ни комментариев, ни ответов – просто короткий, чуть приглушенный щелчок минутной стрелки, занявшей строго вертикальное положение и закрывшей собой часовую – всего на одну минуту. Разве не в полночь положено выкапывать из земли клады? Разве не в полночь совершаются все самые ужасные злодеяния? Разве не в полночь начинают плестись нити заговоров? Быть может, полночь – это тот самый миг, когда можно убить даже время?

Чем была примечательна полночь в тюрьме «Ультима Эсперанца»? Тем, что ровно в полночь все заключенные должны были под надзором дежурных надзирателей делать Оллариу. Сид не сумел вразумительно объяснить Вениамину суть этого действия. Возможно, виноват в этом был сам Обвалов – когда он понял, что не получит однозначный ответ на заданный вопрос, то сразу потерял всякий интерес к проблеме Оллариу. Полночь была определена Вениамином, как срок начала воплощения в жизнь хитроумного плана, в результате которого он должен был оказаться за стенами «Ультима Эсперанца». Все прочее имело прикладной характер.

Вениамин посмотрел на часы, которые, как ни странно, не забрали при обыске. До полуночи оставалось четыре с половиной минуты. Вениамин расстегнул ветровку. С левой стороны на подкладке красовалась вышитая эмблема фирмы-производителя – золотая геральдическая лилия на серебристом фоне и алая лента с надписью «VROOM». Подцепив ногтем, Вениамин выдернул из основы серебристую нить и обернул ее вокруг указательного пальца.

Сид молча наблюдал за манипуляциями соседа по камере. Он уже пару раз пытался спросить Вениамина о том, что он собирается предпринять с целью их освобождения, но ответа не получил. Не потому, что Вениамин делал тайну из своих планов, а потому, что никакого ясного плана у него не было. Вениамин любил старый, добрый джаз времен свинга и бибоба, времен великих музыкантов, не признававших никаких правил, кроме собственного чувства ритма и восприятия музыки как непрерывного звукового потока, пропускаемого через тело. Должно быть, именно по этой причине в работе Вениамин также чаще всего придерживался импровизационного стиля. За что нередко получал втык от начальства. Но, с другой стороны, несомненным показателем успеха являлось то, что с работы его до сих пор не выгнали.

Взяв нитку двумя пальцами за концы, Вениамин натянул ее и резко дернул в разные стороны. Серебристое покрытие, оставшееся в пальцах левой руки, он щелчком сбросил на пол.

Пальцы правой руки Вениамин продолжал держать плотно сжатыми, хотя со стороны казалось, что в них ничего нет.

И тут Сид чуть было не стукнул себя ладонью по лбу, сообразив, что затевает Вениамин Ральфович. Не иначе, как сосед по камере обзавелся где-то той самой мономолекулярной нитью, о которой однажды рассказывал Сиду дядя Юксаре!

– Ниточка из атомов углерода, сцепленных меж собой каким-то хитроумным способом, – говорил Юксаре, прихлебывая из фляжки самодельный джин, который сам он по непонятной причине именовал «Капитанским». – Настолько тонкая, что легко проходит сквозь межмолекулярные соединения. Во так! – Юксаре неожиданно сунул Сиду под нос палец с толстым, обломанным ногтем – почему-то средний палец, а не какой другой. – Допустим, полоснули тебя поперек пальца мономолекулярной нитью. Ты в первый момент ничего и не почувствуешь. А потом, глядишь, палец – вжик! – и отвалился, – средний палец Юксаре изогнулся, точно крючок на конце багра. – Но! – теперь перед носом Сида торчал указательный палец Юксаре. – Если успеть прижать палец к прежнему месту и как следует зафиксировать, так межмолекулярные связи восстановятся и вроде бы ничего и не произошло. Во как, парень!

– И где же такую нитку прикупить можно? – насмешливо поинтересовался Сид.

Из всех знакомых Сида дядя Юксаре был, пожалуй, единственным, чьи интересы можно было назвать разносторонними. Но имелась у него слабость – любил приврать. Даже не приврать, а прихвастнуть малость. Так разве ж то грех?

– Дурак ты, Сид, – спокойно, без обиды ответил тогда Юксаре и в очередной раз приложился к фляжке. – А мономолекулярная нить не для дураков всяких. Ею только спецслужбы пользуются.

– А тебе-то о ней откуда известно? – продолжал подтрунивать над родственником Сид. На этот раз Юксаре отчего-то обиделся.

– Оттуда, – ответил он брюзжащим голосом. И, помедлив, еще раз повторил: – Оттуда! На этом разговор и закончился.

Тогда, слушая Юксаре, Сид был уверен, что родственничек по своей обычной привычке заливает, а вот сейчас, наблюдая за приготовлениями Вениамина, неожиданно вспомнил о том давнем разговоре.

Вениамин тем временем присел на корточки возле двери камеры и принялся за дело. Работал он спокойно, неторопливо, как будто всю жизнь только тем и занимался, что срезал замки мономолекулярной нитью. У Сида не было возможности внимательно следить за манипуляциями Вениамина, но, когда, обернувшись, Обвалов весело подмигнул ему, парень понял, что дело сделано.

– Давай! – Сид тут же протянул руку через решетку и нетерпеливо дернул пальцами. – Давай, теперь я свою камеру открою!

– Найн, – улыбнувшись, качнул головой Вениамин.

Лицо Сида недоумевающе вытянулось.

– Инчэ? – произнес он почти в полный голос. – Ты же гуторил, шо мы вместе...

– Не дам, – откинув полу ветровки, Вениамин спрятал мономолекулярную нить за блестящую этикетку с надписью «VROOM». – Замок ты все равно открыть не сможешь, а вот пальцы себе отрежешь запросто.

– Так як же?..

– Твою камеру я отопру ключом.

– Яким таким ключом?

Посмотрев на парня, Вениамин невольно усмехнулся. Сид не иначе как решил, что сосед собрался обвести его вокруг пальца. Подумал бы лучше о том, что, будь у него такое намерение, Вениамин мог и вовсе не ставить соседа в известность о своем намерении покинуть нынче ночью «Ультима Эсперанца».

– Я отопру твою дверь ключом, шо принесет джанит, – медленно произнес Вениамин.

Голос его звучал настолько уверенно, что Сид задумался, хотя и не видел в этом особого смысла. Более странного человека, чем Вениамин Ральфович, он в жизни своей не видел. Ну, если не считать, конечно, свихнувшихся фетюков из квартала Желтые Кирпичи. Обвалов не был похож на фетюка. Но не было у него ничего общего и с нормальным оллариушником. Сид в задумчивости дернул замок, висевший у него на шее.

Была у Порочного Сиды такая интересная особенность – когда он крепко над чем-то задумывался, то мог прийти к самым неожиданным выводам, способным удивить кого угодно, а не только преподавателя элементарной логики на курсах повышения квалификации работников полей ассенизации и отстоя. Сид и сам привел бы несколько случаев, когда подобная манера мышления сослужила ему не лучшую службу, но все равно не мог ничего с собой поделаться – знал, что нужно сказать «да», а все равно говорил «нет».

Одному Хиллосу известно, куда бы на этот раз завел сложный мыслительный процесс Порочного Сиды, если бы стрелки часов не сошлись на цифре двенадцать, что заставило дежурного надзирателя покинуть уютную комнатку и выйти в тюремный коридор. Двигало им при этом отнюдь не чувство долга, а элементарное нежелание получить втык от начальника тюрьмы, который с трепетным волнением и нежностью относился к разработанной им самим программе под названием «Робим Оллариу вместе!». Поутру, явившись на службу, начальник тюрьмы первым делом интересовался, как прошло полуночное пати в каждом тюремном блоке, а случалось, что и видеозаписи просматривал. Понятное дело – выслуживался перед вышестоящим начальством. Но рядовые джаниты были на него за это не в обиде – что поделаешь, когда жизнь такая.

Сид почувствовал на себе острый взгляд Вениамина.

– Сделаешь? – тихо спросил Вениамин, когда парень посмотрел в его сторону.

И все, ни слова больше, – глупо дважды повторять одно и то же.

Сид быстро кивнул и снова перевел взгляд на надзирателя.

Джанит вышел на середину прохода, остановился, окинул суровым взглядом камеры-клетки и подтянул широкий ремень, на котором висели кобура с пистолетом, чехол с наручниками, пластиковая дубинка и большое кольцо с ключами. Движения его были неспешны и основательны – он точно знал, что ему нужно делать, и не собирался отклоняться от установленной процедуры. Сунув два пальца в карман куртки из кожзама, джанит вытянул оттуда плоский металлический свисток. Заранее улыбаясь в предвкушении того, что должно произойти, надзиратель поднес свисток к губам и со всей дурацкой мочи дунул в него.

Резкий, пронзительный свист, вибрируя на грани слышимости, тонким сверлом вошел в уши. Вениамин, не ожидавший такого, невольно пригнул голову и зажал уши руками.

До полуночного Оллариу-пати заключенным запрещалось раскладывать лежаки, но кое-кто уже дремал, примостившись на корточках в дальнем углу камеры. Свисток надзирателя заставил всех мгновенно вскочить на ноги.

Довольно ухмыляясь, джанит сунул свисток в карман.

– Инчэ, мразь, готовы к Оллариу? А ну-ка, разом! Во имя Хиллоса, Уркеста, Сидуна и детей их оллариушников!

Сорвав с пояса дубинку, джанит взмахнул ею, точно капельмейстер жезлом.

– Оллариу! – нестройно и неслаженно затянули заключенные.

Подбоченясь, джанит недовольно покачал головой.

– Разве так робят Оллариу? Воете, точно стадо мулов. А ну, еще раз!

Взмах дубинкой.

– Оллариу!

Все так же неслаженно, но громче, чем в первый раз.

– Еще!

– Оллариу!!

– Еще! Во имя Хиллоса, Уркеста, Сидуна и детей их оллариушников!

– Оллариу!!!

Джанит сделал вид, будто хочет снова взмахнуть дубинкой, и заключенные уже набрали воздуха в грудь, готовясь в очередной раз сделать Оллариу, но рука с дубинкой неожиданно упала вниз. Это была не импровизация, а отработанный элемент полуночной игры, с которым был незнаком разве что тот, кому впервые довелось коротать ночь в стенах «Ультима Эсперанца».

– Плохо, – с разочарованным видом произнес джанит. – Очень плохо. Не понимаю, в чем тут бизнес, но Оллариу у нас нынче не получается. Мозгую, придется тренироваться.

Заключенные недовольно зароптали. Игра игрой, но, случись у надзирателя плохое настроение – мало ли, что бывает, деньги в брик-брок проиграл или с женой поцапался, – и Оллариу-пати могла продолжаться до рассвета. А рассвет наступит нескоро.

– Так, – джанит хлопнул дубинкой по раскрытой ладони. – У меня два варианта. Или мы все вместе робим Оллариу до утра, или находим того, кто нам мешает. Мне лично все равно – у меня дежурство до девяти, – пластиковая дубинка еще раз ударила по раскрытой ладони. – Ну?

Сид обеими руками вцепился в решетку, так, будто прутья собирался вырвать.

– Это он! – пронзительно, во всю глотку заорал парень. – Он! Я слухал – он не робил Оллариу вместе со всеми!

Удивленно и несколько недовольно джанит посмотрел на парня. Он рассчитывал, что игра протянется дольше. Кроме того, непонятно было, с чего это вдруг Порочный Сид решил заделаться стукачом? Прежде за ним такого не водилось.

– Кто? – спросил надзиратель.

– Он! – Сид уверенно ткнул пальцем в Вениамина. – Он молчал, когда все делали Оллариу! Только рот для блезиру разевал!

Джанит усмехнулся – не иначе, как сосед по камере уже успел достать парня. Что ж, правила есть правила, – на кого укажут, тому и развлекать всю компанию.

– Ага, – надзиратель посмотрел на Вениамина так, будто видел впервые. – И пуркуа же ты, генацвали, не желаешь вместе со всеми Оллариу робить?

– Разумеете ли, – Вениамин улыбнулся и подошел к двери камеры, будто даже не догадываясь, зачем направляется в его сторону поигрывающий дубинкой надзиратель. – Сам я не местный – только сегодня прифлаел на Веритас. И сразу же, по глупому недоразумению, оказался в тюрьме, – Вениамин развел руками, дабы показать, насколько не соответствует ему роль заключенного. – Увы, никто не потрудился объяснить мне, шо значит робить Оллариу. И я буду весьма признателен вам, ежели вы возьмете на себя сей труд.

Глаза джанита сверкнули, как будто в них отразились огоньки праздничной иллюминации.

– Найн проблем, генацвали, это ж моя работа!

Будучи абсолютно уверен в собственной безопасности, джанит подошел к решетке и ударил по ней дубинкой, – прежде чем открыть дверь, нужно было заставить заключенного отойти в глубь камеры. Сначала – по клетке, а затем уж – и по ребрам нерадивого оллариушника.

Но, вместо того, чтобы отшатнуться назад, Вениамин толкнул решетчатую дверь камеры, которая на удивление легко откатилась в сторону. Заглушая пронзительный вой сирены, радостно возопили заключенные, увидевшие, что произошло. Арестант и надзиратель смотрели друг на друга, и теперь между ними не было никакой преграды. Ситуация была нештатной, и джанит оказался к ней не готов. Не сказать чтобы вся жизнь пронеслась в этот миг у него перед глазами, но подумать о том, что ему не хватает всего нескольких секунд, чтобы верно оценить обстановку, джанит успел. Прежде чем надзиратель опомнился и что-то предпринял, Вениамин схватил его за руку и, как будто даже не прилагая особых усилий, втащил в камеру.

Все произошло так быстро, что даже находившийся всего в двух шагах от места действия Сид не смог понять, каким образом дубинка джанита оказалась в руках у Вениамина. И почему, влетев в камеру, джанит продолжал тупо двигаться вперед до тех пор, пока на пути у него не встала стена. А, налетев на стену, надзиратель осел на пол, да так и остался сидеть, привалившись плечом к решетке соседней камеры. Вениамин же проворно снял с джанита ремень и кепи из кождама.

– Держи, – кинул он Сиду кольцо с ключами, а сам бросился к открытой двери.

Поднятые на ноги воем сирены, из дежурки выбежали джаниты.

– Эй, шо случилось? – крикнул один из них, приняв за своего вышедшего из камеры заключенного.

Джанита ввело в заблуждение кепи на голове Обвалова. Вениамин же не стал объяснять джаниту его ошибку – без лишних слов выдернул из кобуры пистолет и открыл огонь. Не ожидавшие такого поворота событий, джаниты поспешили укрыться в дежурке. И даже дверь за собой прикрыли.

Вениамин выбросил из пистолета пустой магазин и ударом ладони загнал в рукоятку новый.

– Здорово! – восхищенно выдохнул оказавшийся рядом с ним Сид.

Не глядя на парня, Вениамин улыбнулся.

– А шо дале? – спросил Сид.

Теперь он уже был совершенно уверен – Вениамин знает, что делает.

Вениамин забрал у Сида кольцо с ключами и снял с него общий для дверей всех камер.

– Господа! – обращаясь одновременно ко всем запертым в клетках арестантам, громко произнес Вениамин. – Ежели у кого-то есть острая потребность выйти на свободу, я готов предоставить ему такую возможность!

– Давай сюда! – раздался крик из ближайшей камеры.

– Прошу вас, – Вениамин положил ключ в протянутую сквозь решетку ладонь.

Дальнейшая судьба ключа его не интересовала. Поскольку он примерно представлял, что должно произойти. Человеку свойственно не только ошибаться, но еще и испытывать чувство опьянения. Ингредиенты, вызывающие это ощущение (которое, в зависимости от дозы и степени чистоты исходного состава, может быть как восхитительным, так и омерзительным), самые разнообразные и не всегда поддаются учету. Одной из составных частей коктейля, способного на время лишить человека разума, является свобода. И, что особенно любопытно, чем она прозрачнее, тем более сильное воздействие может оказать на человеческий разум. Вениамин не сомневался, что, как только первый заключенный, получивший от него ключ, выберется из клетки, к нему потянутся десятки рук внезапно взалкавших свободы пленников. И ведь ни один из них даже не подумает при этом, что, для того чтобы действительно оказаться на свободе, им предстоит с боем прорваться сквозь несколько решеток, сломить сопротивление гвардии вооруженных джанитов и под конец снести тюремные ворота.

В отличие от окрыленных эфемерной надеждой безумцев, Вениамин не тешил себя несбыточными мечтами. Он шел по пути воина, а потому точно знал, что делает, и не сомневался в успехе.

Джаниты попытались было снова выглянуть из дежурки, но Вениамин заставил их скрыться, выстрелив почти не целясь. Он был уверен, что надзиратели уже связались с тюремным управлением и доложили о мятеже во втором блоке. Но, примерно представляя ход мыслей тех, кому предстояло принимать решение, Обвалов почти не сомневался в том, что приказ о штурме мятежного блока отдан не будет. В этом не было смысла – вырвавшимся из камер заключенным некуда было податься, кроме как вниз. А на первом этаже, за перекрывшей коридор решеткой, их будут ждать джаниты, готовые открыть огонь по бунтовщикам.

Добежав до дежурки, Вениамин дважды выстрелил в дверь, в душе надеясь, что никто из надзирателей не догадался подпереть ее спиной. Выбив дверь ногой, он влетел в дежурку и с ходу ударил рукояткой пистолета в челюсть подвернувшегося под руку джанита. Надзиратель упал, а Вениамин, развернувшись, направил пистолет в лоб его напарнику, стоявшему у стены и тоже целившемуся в него из пистолета, который он держал обеими руками.

– Брось, – посоветовал Вениамин.

Джанит не был трусом, но он был здравомыслящим человеком, а потому, помедлив какое-то время – не более, чем требовалось для того, чтобы соблюсти приличие, – он опустил руки и выронил пистолет на пол.

– Снимай куртку, – приказал джаниту Вениамин. – Раздевай второго, – велел он замершему в дверях Сиду.

Парень тут же кинулся выполнять приказ.

Джанит тоже не заставил себя долго ждать – скинул куртку и протянул ее Вениамину.

Сиду куртка из черного кожзама оказалась великовата – висела на узких плечах, как на вешалке, – а козырек кепи сползал на глаза. Но, в конце концов, не на строевой же смотр они собирались.

– Идем, – кивнул Сиду Вениамин.

Не двигаясь с места, парень смотрел на Вениамина взглядом, полным недоумения.

– Инчэ? – недовольно взмахнул рукой Вениамин.

– А эти? – Сид взглядом указал на джанитов. – Ты шо ж, так их и оставишь?

– А ты шо, хочешь, чтобы я их грохнул?

– Ну...

Парень сделал жест рукой, давая понять, что не имел бы ничего против, если бы Вениамин именно так и поступил.

– Сид, – с укоризной покачал головой Вениамин. – Хай ты и в самом деле Порочный.

Сид ничего не ответил, только обиженно поджал губы.

– Дай-ка пуляк.

Вениамин забрал у Сиды пистолет, который тот уже успел подхватить с пола, и вынул из него магазин. Магазин он сунул в карман, а пистолет кинул в дальний угол комнаты.

– Мне тоже нужен пуляк, – угрюмо буркнул Сид.

– Иди, – Вениамин подтолкнул парня к выходу. – Да, чуть не забыл, – обернувшись, посмотрел он на джанита, который, судя по выражению лица, все еще не был уверен в том, что остался жив. – Где журнал?

– Какой журнал? – растерянно произнес джанит.

– С мишкой на обложке, – объяснил Вениамин. – Тот, что ты смотрел, когда я заходил сюда в прошлый раз.

– В столе, – едва слышно произнес джанит.

Похоже, он был уверен в том, что это хитрая уловка вооруженного бандита, который только искал повод, чтобы разрядить в него пистолет.

Вениамин достал из стола журнал с рыжим плюшевым мишкой на обложке. Журнал назывался «Мягкая игрушка». Обвалов выписывал этот журнал, но последний номер еще не видел – редко доводилось бывать дома. А электронная версия – это совсем не то, что пахнущий типографской краской и мягко шуршащий под пальцами бумажный журнал.

Вениамин показал журнал джаниту:

– Не возражаешь, если я возьму?

Джанит, по-прежнему пребывающий в полной уверенности, что над ним утонченно издеваются, тем не менее нашел в себе силы качнуть головой.

– Аригато, – улыбнулся Вениамин и, сунув журнал под куртку, выбежал из дежурки.

– Зачем тебе журнал? – спросил удивленный Сид.

– Я коллекционирую плюшевых мишек, – ответил Вениамин.

Сид снова обиженно поджал губы – ответ Вениамина трудно было расценивать иначе, как насмешку.

Вениамина мало интересовало душевное состояние напарника. Даже обиженный Сид был в состоянии быстро и точно выполнять команды, а большего от него и не требовалось.

У двери на лестницу уже толпились, возбужденно толкая друг друга, человек пятьдесят арестантов, выбравшихся из камер в погоне за призрачной надеждой обрести свободу. По отношению к ним Вениамин не испытывал ни сочувствия, ни жалости. Он всего лишь предоставил им право сделать выбор, но при этом не задавал направление. Прежде чем выбрать путь, человек, наделенный хотя бы толикой разума, должен оценить свои возможности и десять раз подумать о том, сумеет ли он пройти по нему до конца. Бросив взгляд в сторону камер, большинство из которых теперь были пусты, Вениамин отметил, что некоторым из арестантов хватило все же здравомыслия остаться в клетках. Окажись все такими дальновидными, это сильно осложнило бы воплощение в жизнь Вениаминова плана. По счастью, до сих пор во Вселенной не ощущалось недостатка в самоуверенных болванах, каждый из которых свято верил, что мир вращается именно вокруг его пупка. Хотя, казалось бы, при такой приверженности активным действиям их поголовье давно должно было пойти на убыль.

Из толпы вынырнул тот самый тип, что первым забрал у Вениамина ключ от камеры.

– Открывай дверь! – потребовал он в категоричной форме.

Это было именно требование, а не просьба. Но Вениамин только мило улыбнулся в ответ – он вообще любил улыбаться и делал это при каждом удобном случае.

– Конечно.

Сид с недоумением смотрел на то, как Вениамин снимает с пояса кольцо с ключами и отдает его бритому наголо верзиле с татуировкой возле левого уха, изображавшей вставшего на задние лапы медведя.

Бритый оскалил большие желтые зубы в подобии улыбки и кинул ключи невысокому рыжему типу, который тотчас же принялся отпирать ими дверь.

– Мне еще и пуляк нужен, – сказал Вениамину бритоголовый.

Обвалов смерил собеседника изучающим взглядом. До сих пор бритоголовый не вызывал у него интереса – он был всего лишь инструментом, чем-то вроде консервного ножа, которым нужно воспользоваться, чтобы добраться до деликатеса. Но сейчас, когда бритоголовый потребовал пистолет, Вениамин почувствовал, что ручка консервного ножа перепачкана жиром. Это было неприятно.

Вениамин посмотрел верзиле в глаза. Взгляд бритоголового нервно дернулся из стороны в сторону. Глядя на своего визави, Вениамин пытался отыскать в его облике хотя бы одну, пусть самую незначительную и никому другому не заметную черточку, которая не вызывала бы отвращения. Стоявший перед ним верзила не был похож на идейного борца за свободу и справедливость – скорее уж, на мелкого жулика, пытавшегося корчить из себя ушлого бандюка. И все бы ничего – морда широкая, нижняя челюсть будто у орангутанга, скошенный лоб, выступающие надбровные дуги, здоровенные уши, торчащие в стороны, – классический неандерталец, – вот только взгляд у него был слишком суетливый.

– Ведаешь, бади, пуляк я тебе не дам, – даже при этих словах улыбка не покинула лица Вениамина.

За спиной бритоголового троглодита стояли человек пять не самых слабых ребят, из которых он уже успел сколотить свою личную гвардию, что, несомненно, придавало ему уверенности.

– Давай пуляк! – прорычал бритоголовый и протянул лапы, поросшие редкими черными волосками, явно намереваясь схватить Вениамина за грудки.

На тыльной стороне правой ладони бритоголового был изображен кинжал с витой рукояткой, обрамленный надписью «Кто с кайлом к нам придет...». На другой ладони – ухмыляющийся череп со словами «...от кайла и загнется!». Вениамину рисунки, а в особенности надпись, показались вульгарными. Поэтому он легко и без сожаления достал из кобуры пистолет и почти без замаха ударил бритоголового рукояткой по скуле.

Голова бритоголового качнулась из стороны в сторону, точно у китайского болванчика. Из рассеченной скулы потекла широкая полоса крови. Верзила удивленно глянул на Вениамина и начал медленно заваливаться назад.

В принципе, у ребят бритоголового был шанс поймать тело босса, но почему-то никто не захотел это сделать, и верзила ахнулся на спину, гулко стукнувшись затылком о пластиковое покрытие пола.

– Кому-нибудь еще пуляк треба? – участливо поинтересовался Вениамин.

Никто из команды бритоголового не принял вопрос на свой счет. Не глядя на Обвалова, они один за другим потянулись к выходу.

Дверь тюремного блока была уже открыта, и заключенные торопились выбежать на лестницу, как будто не знали, что ждет их внизу.

Поддавшись общему ажиотажу, кинулся было следом за остальными и Сид.

– Куда! – успел перехватить его Вениамин. – Наверх! – указал он рукой вверх по лестнице.

– Пуркуа? – непонимающе уставился на него Сид.

– Внизу решетки и вооруженные джаниты.

– А наверху?

– Надеюсь, что крыша.

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, Вениамин побежал вверх по лестнице.

На лестничной площадке третьего этажа его окликнул прячущийся за решеткой джанит.

– Эй, бади! Шо там у вас за шум?

– Ситуация под контролем! – на бегу заверил его Вениамин.

И в этот момент снизу послышались частые выстрелы.

– Пуляют! – крикнул за спиной у Вениамина Сид.

– Слухаю, – ответил, не оборачиваясь, Вениамин. – Если и после этого наши сыберы не вернутся в свой блок, значит, мозгов у них нет вообще.

Они добежали до шестого этажа, когда выстрелы внизу прекратились.

– Ну, шо я гуторил? – усмехнулся Вениамин. – Теперь джаниты поднимутся во второй блок и примутся наводить там порядок.

– И мы спустимся вниз! – догадался Сид.

– Ты полагаешь, нас выпустят за ворота без цедули?

Вениамин продолжал целеустремленно бежать вверх по лестнице.

Бежавший следом за ним Сид крепко задумался – уже не в первый раз. Вениамин Ральфович ошибался лишь в одном – удостоверение личности для выхода за ворота тюрьмы не требовалось, пропуском служил вживленный под кожу идентификатор. Но в целом он был прав. А посему напрашивался вопрос – какого черта они лезут на крышу?

– Готов? – обернувшись, спросил у парня Вениамин.

Сид в недоумении воззрился на вставшую у них на пути тяжелую стальную дверь.

– К чему?

– К тому, чтобы вдохнуть воздух свободы.

Вениамин помахал перед носом ладонью, вдохнул полной грудью и блаженно закатил глаза, словно и впрямь почувствовал божественный аромат.

Сид скептически поджал губы.

– За дверью крыша.

– Зато там нет решеток, – парировал Вениамин.

– Это восьмой этаж, – напомнил Сид.

– Нечем крыть, – Вениамин улыбнулся так, что сразу стало ясно, спуститься с восьмого этажа и перемахнуть через тюремную стену для него не проблема.

Края металлической двери имели сантиметровой выступ, плотно прилегающий к косяку. Даже с мономолекулярной нитью добраться до замка было непросто, поэтому Вениамин решил срезать дверные петли. Вся работа заняла не более минуты, затем Обвалов высадил ногой дверь и первым выбежал на крышу.

После застоявшейся атмосферы тюремного корпуса ночной воздух и в самом деле казался напоенным тончайшими ароматами, ни один из которых не был известен парфюмерам, а потому и не имел названия. Вольготно раскинув руки в стороны, Вениамин запрокинул голову и посмотрел на усыпанное звездами ночное небо Веритаса. Для того чтобы фантастическая картина приобрела окончательный блеск, не хватало только луны. Что поделывать, вокруг Веритаса кружили лишь рукотворные спутники, да и те – сторожевые.

Сид Вениаминовых восторгов не разделял. Зябко обхватив себя за плечи, парень настоженно озирался по сторонам.

– Нужно убираться, – угрюмо буркнул он. – Слышь, Вениамин Ральфович? Скоро джаниты нагрянут.

Посмотрев на парня, Вениамин снисходительно улыбнулся.

– Помозгуй, Сид, пуркуа я именно тебя взял с собой?

– Потому что я оказался в соседней камере, – быстро догадался Сид.

– Индид, – согласился Вениамин. – Но не только это. Главное – у тебя нет идентификатора. У меня его тоже нет. Поэтому джаниты не имеют представления, где мы сейчас находимся. А к тому времени, когда они наведут порядок на втором этаже и поймут, шо двое заключенных исчезли, нас здесь уже не будет.

– Собираешься уфлаеть, как птица? – Сид даже не старался скрыть сарказма.

– Ара, инц лясир, – Вениамин сделал вид, что обиделся. – Какого хрена ты вообще пошел со мной?

– Не ведаю, – честно признался Сид.

– Хороший ответ, – одобрительно наклонил голову Вениамин. – Раздевайся.

– Инче? – возмущенно взмахнул руками Сид.

– Ты собираешься ходить по улицам в форме джанита?

Сообразив, что дал маху, парень смутился и принялся торопливо стягивать куртку.

Вениамин вытащил из кармана куртки журнал, который забрал у джанитов, сложил его вдвое и заткнул за пояс. Подойдя к краю крыши, Обвалов окинул окрестности оценивающим взглядом.

– Шо это? – спросил он, указав на ажурную металлическую мачту, возвышавшуюся по другую сторону тюремной стены.

– Антенна передающей станции, – ответил Сид. – Телевещание, интерфонная связь и локальная информационная сеть.

– Высоты боишься? – как бы между прочим поинтересовался Вениамин.

– Смотря какой, – уклончиво ответил Сид.

Вениамин молча указал вниз.

Сид осторожно наклонился и заглянул за парапет. Ощущение слабости в коленях, возникшее, едва он увидел фонари внизу, было хорошо знакомым и не сказать чтобы очень уж приятным.

Вениамин сделал вид, что ничего не заметил.

Поставив левую ногу на парапет, Обвалов сдавил двумя пальцами каблук. Широкая полоска синтетического материала отошла вниз. Из открывшейся полости Вениамин извлек

два плоских диска. Когда он развел диски в стороны, Сид увидел, что их соединяет нить не толще волоса.

– И с помощью этого ты собираешься спуститься на землю? – скептически скривил губы Сид.

– Найн, – качнул головой Вениамин. – Не спуститься на землю, а перебраться на мачту, шо напротив.

Сид провел ногтями по щеке и ничего не сказал.

Зажав один диск в руке, Вениамин стал раскручивать другой над головой. По мере того как скорость вращения увеличивалась, нить становилась все длиннее. Диск, рассекавший воздух над головой Вениамина, начал издавать негромкие стрекочущие звуки. Когда нить вытянулась метра на полтора, Обвалов метнул диск в направлении мачты. Сид был уверен, что диск не долетит – расстояние было слишком большим, а груз очень уж маленьким. Но Вениамин дернул нить, и стало ясно, что противоположный ее конец прочно за что-то зацепился. Довольно улыбнувшись, Вениамин натянул нить и закрепил второй диск на парапете, огораживающем край тюремной крыши. Затем Обвалов выдернул из джинсов ремень, обернул его вокруг исчезающей во тьме нити, застегнул пряжку и пристроил ее, точно ролик на веревку. Придерживая ременную петлю, Вениамин сел на краю крыши, свесил ноги вниз и посмотрел на Сиду, присевшего на корточки возле парапета.

– Пора отчаливать.

– Ты уверен, шо эта нитка нас выдержит? – не двигаясь с места, с сомнением спросил парень.

– Можешь не сомневаться, – с серьезным видом заверил Вениамин. – Я пользовался ею неоднократно.

Парень нерешительно переступил с ноги на ногу.

– Тогда она ремень перережет.

– Ремень сделан по спецзаказу.

Вениамин говорил уверенно, но все же доводы его казались Сиду недостаточно вескими для того, чтобы прыгнуть с крыши, доверив жизнь кажущейся на редкость ненадежной опоре.

– Мэй би, ты хочешь остаться?

Парень недовольно скривился – глупый вопрос. Ну а поскольку выбора как такового у него не было, Сид взялся обеими руками за парпет, осторожно переступил через него и, стараясь не смотреть вниз, сел на краю крыши рядом с Вениамином.

– Держи, – Вениамин протянул Сиду ременную петлю.

Сид мертвой хваткой вцепился в тонкую кожаную полоску.

– Готов?

Сид судорожно сглотнул и быстро, боясь передумать, кивнул.

– Об одном тебя прошу, – сказал напоследок Вениамин. – Не кричи. Можешь обмочиться, но рта не раскрывай. Усек?

Сид снова кивнул. На этот раз он даже не обиделся на крайне оскорбительное замечание Вениамина Ральфовича.

Обвалов хотел было еще что-то добавить, но передумал. Поудобнее перехватив руками ременную петлю, он только спросил Сиду:

– Готов? – и, получив утвердительный кивок, прыгнул вниз, навстречу желтым огням уличных фонарей.

Глава 4

Из которой можно узнать кое-что о правилах конспирации и получить самое точное представление о том, что объединяет коммунистов с монархистами

Вначале был Хиллос. Он был Богом всего, хотя ничего еще не было. Затем он сотворил Все, и Землю, и Небо, и Оллариу. Небо он отдал Сидуну: это Сидун рисует узоры облаков. Землю он отдал Уркесту, и тот стал ее хранителем. А Оллариу он оставил себе.

Устав Ордена поклонников Хиллоса Оллариушиника. Изначальный вариант.

Раздел «О Хиллосе, Сидуне и Уркесте и о сотворении мира»

Беглецы пробирались по освещенным редкими фонарями ночным улицам Гранде Рио ду Сол. Сид шел впереди, указывая дорогу, Вениамин – на полшага позади него, внимательно поглядывая по сторонам. Он был уверен, что хватятся их не прежде, чем во втором блоке тюрьмы «Ультима Эсперанца» восстановят порядок. Вот когда все заключенные будут водворены на свои места, тогда и станет ясно, что двоих недостает. После этого их начнут искать в тюрьме и на прилегающей к ней территории, ограниченной стеной. Дверь, ведущая на крышу, взломана, следовательно, беглецы сумели выбраться под звездное небо. Ну, так что с того? Перебравшись на мачту передающей антенны, Вениамин смотал углеродный канат и спрятал обе катушки в карман ветровки. Пусть теперь джаниты поломают голову над тем, как беглецам удалось спуститься с крыши, да еще и перемахнуть при этом трехметровую стену с протянутым поверху охранным периметром. Если их побег из тюрьмы «Ультима Эсперанца» не станет легендой, то только потому, что тюремное начальство постарается умолчать о нем. В любом случае он надолго останется любопытнейшей загадкой для тех, кто понимает толк в подобных делах.

Тюрьма тюрьмой, но никогда еще Вениамину не доводилось видеть столь странного города, как Гранде Рио ду Сол. Сид уверял, что они находятся неподалеку от центра, но нигде не было заметно никаких признаков ночной жизни, присущей любому крупному городу. Ни горящих витрин ночных магазинов, ни подсвеченных афиш театров и варьете, ни зазывно мерцающей иллюминации ночных клубов, ресторанов и кабаков. Даже прохожих на улицах не было. Город словно вымер, пораженный внезапной эпидемией страшной, неизлечимой болезни.

– Где люди? – спросил у Сиды Вениамин.

– Дома, – ответил парень.

– Все?

Сид удивленно оглянулся на своего спутника.

– Сейчас час ночи.

– Ну и что? – недоумевающе пожал плечами Вениамин. – Могут же у людей быть какие-то дела и в это время.

– Могут, – согласился Сид. – Но лучше оставаться дома. Ночью улицы контролируют джаниты.

– Я не видел ни одного постового.

– Наряд высылают туда, где отмечено несанкционированное передвижение, – Сид похлопал себя по плечу. – Идентификаторы.

– Выходит, в городе действует комендантский час?

– Найд, – отрицательно качнул головой Сид. – Проще отложить все бизнесы до утра, чем объясняться с джанидами.

Вениамин хмыкнул как-то очень уж двусмысленно – то ли насмешливо, то ли недоумевающе.

– Такие уж здесь порядки, – безразлично махнул рукой Сид. И в качестве компенсации добавил: – А шо робить на улице среди ночи?

– Ты всю жизнь прожил на Веритасе? – спросил Вениамин.

Сид молча кивнул.

Подумав, Вениамин решил не распространяться о том, что обычно происходит на улицах ночных городов, – только расстроится парень. Вместо этого он спросил:

– И то же самое в других городах?

– В каких? – не понял Сид.

Вениамин даже растерялся.

– Ну есть же на Веритасе другие города, помимо Гранде Рио ду Сол?

– Найд, – качнул головой Сид. – Гранде Рио ду Сол очень большой город.

Вениамин задумчиво прикусил губу – странное все же место этот Веритас. Но, может быть, это и к лучшему – проще будет разобраться с делами.

– Долго еще идти? – спросил Обвалов.

– Уже пришли, – ответил парень.

Они свернули налево, прошли между двумя высокими домами, в которых не светились ни одно окно, пересекли внутренний дворик, вошли в низкую подворотню с полукруглым перекрытием, снова повернули налево и оказались на другой улице, такой же широкой, как та, по которой они шли до этого. Нырнув вслед за Сидом в проход между кустами, Вениамин очутился возле оклеенной шпоном двери, ведущей в полуподвальное помещение. Для того чтобы подойти к двери, нужно было спуститься по четырем узким каменным ступенькам. Сверху широким полукругом нависал синий пластиковый козырек. На темном оконном стекле справа от двери причудливо переплетались витые, точно на вензеле, буквы. Проявив некоторое усердие, можно было сложить их в слово «ПЕРУКАРНЯ».

– Прическу решил сменить? – спросил Вениамин.

– Это, – Сид указал на дверь парикмахерской, – кильдим, шо тебе треба.

Сказано это было таким тоном, словно самому Сиду прятаться было незачем и не от кого, а с опасностями побега из тюрьмы и тем, что ему пришлось претерпеть, скользя по невидимому канату над бездной полутемной улицы, он мирился только ради Вениамина Ральфовича. С этим, конечно, можно было поспорить, но Обвалов не стал – пусть парень тешится. Тем более что ему и в самом деле нужно было место, где можно отсидеться.

Сбежав по ступенькам, Сид надавил на кнопку рядом с дверью. Звонка слышно не было, но, вопреки ожиданиям Вениамина, полагавшего, что в доме все давно уже спят, не прошло и минуты, как дверь неслышно приоткрылась. За дверью царил непроглядный мрак, поэтому Вениамин увидел только темный силуэт человека, вставшего на пороге. Должно быть, хозяин парикмахерской успел глянуть на гостей через спрятанный где-то в щелке над дверью визир, потому что, едва открыв дверь, он тихо произнес:

– Заходи, Сид.

Голос незнакомца показался Вениамину неприятным – слишком уж бархатистый, вальяжный, с растекающейся, точно подтаявший мед, лентой. Но Сиду он был знаком и, судя по всему, не внушал опасения.

– Я не один, – сказал парень.

– Сколько?

– Двое нас, – Сид указал на Вениамина.

– Заходите, – цирюльник сделал шаг в сторону, освобождая проход.

Следом за парнем Вениамин вошел в темную прихожую.

За спиной щелкнул дверной замок. Вениамин насторожился, готовясь к самому неприятному повороту событий. Но приоткрылась следующая дверь, и Обвалов увидел свет, льющийся из ярко освещенного зала.

– Проходите, – снова услышал Вениамин голос хозяина парикмахерской.

Наконец-то Обвалов смог его как следует рассмотреть. Внешность цирюльника как нельзя лучше соответствовала голосу. Мужчина лет шестидесяти был высокого роста, подтянут и аккуратен. С белым строгим костюмом и ослепительно белой рубашкой контрастировали черные штилеты и галстук-бабочка. Волосы, посеребренные проседью, и густые усы, также с сединой, придавали ему вид благородный и значительный. Серые с поволокой глаза человека, много повидавшего и давно уже во всем разочаровавшегося, смотрели спокойно и грустно. На лице навсегда отпечаталось выражение томной усталости.

– Никита Сергеевич, – представился цирюльник.

– Вениамин Ральфович, – отрекомендовался Обвалов.

– Вы друг Сиды? – вежливо поинтересовался Никита Сергеевич.

– Смею надеяться, что да, – слегка наклонил голову Вениамин. – Хотя познакомились мы не так давно.

– Приятно слышать правильный коренной язык, а не уродливый старжик, – улыбнулся одними губами Никита Сергеевич. – Смею предположить, вы не местный?

Вениамин не успел ничего ответить.

– Эй, где вы? – раздался голос Сиды, который успел пройти в зал.

– Прошу вас, – Никита Сергеевич вежливо протянул руку, предлагая гостю войти первым.

Быстро улыбнувшись в знак благодарности, Вениамин переступил порог.

Небольшой парикмахерский зал был залит ярким светом. Напротив зеркальной стены стояли два специально оборудованных кресла. Вениамин обратил внимание на то, что степень автоматизации рабочих мест была минимальной. На других планетах Обвалову доводилось видеть парикмахеров, делающих прически своими руками, с помощью расчески и ножниц, но услуги таких мастеров стоили огромных денег. Заведение же, в котором он оказался благодаря Сиде, не производило впечатления процветающего.

Окинув помещение взглядом, Вениамин понял, почему в ночное время город выглядел нежилым. Окна были закрыты черными пластиковыми занавесами. Скатанные в рулон, они крепились на верхнем крае оконной рамы. Чтобы опустить их, достаточно было потянуть за колечко, которое затем фиксировалось в зажиме на подоконнике. Через плотный занавес не мог проскользнуть ни единый лучик, даже если все помещение утопало в потоках света. Возможно, это была всего лишь местная традиция. Но Вениамин решил, что жители Веритаса поступали таким образом, чтобы не привлекать лишний раз внимание джанитов, – как известно, честный человек не страдает бессонницей.

Сид уже расположился в одном из парикмахерских кресел. Никиту Сергеевича покорило столь пренебрежительное отношение к священному для него месту, но, как человек интеллигентный, он промолчал, только нос недовольно наморщил. Но Сид этого не заметил.

– Это то самое место, которое ты искал, – сказал он, обращаясь к Вениамину, и широким хозяйским жестом развел руки в стороны. – Ну как?

Взгляд Вениамина скользнул по стенам, по зеркалам, по белому потолку с пластиковой имитацией лепнины, по закрытому светонепроницаемым занавесом окну, по полу, покрытому искусственным паркетом, и остановился на блестящей перламутровой ручке фена.

– Я полагаю, завтра сюда придут люди, – сказал он, обращаясь главным образом к Никите Сергеевичу.

– Увы, – скорбно вздохнул цирюльник. – Посетители к нам заглядывают нечасто.

– И все же, – Вениамин испытывал некоторое смущение, плохо представляя себе роль цирюльника во всей этой истории и не зная, можно ли говорить, по какому случаю он в компании с Сидом решил нанести ему визит, – быть может, наше общество будет для вас обременительно?

На губах Никиты Сергеевича появилась мягкая всепрощающая улыбка.

– Я рад вас видеть, – произнес он с придыханием. – В особенности Сида, – парикмахер посмотрел на развалившегося в кресле парня так, словно тот был его незаконнорожденным, но все равно любимым сыном. – Поскольку полагал, что он сейчас находится в тюрьме.

– Так бы оно и было, не объявись в «Ультима Эсперанца» Вениамин Ральфович! – Сид с воодушевлением хлопнул ладонью по подлокотнику кресла. – Послушайте, Никита Сергеевич, нам нужно где-то отсидеться пару дней, ну, может быть, чуть дольше. У вас же сейчас никого, кроме деда, нет?

Вениамин удивленно приподнял бровь – оказывается, Сид умел изъясняться на коренном языке.

– Вы тоже без идентификатора? – посмотрел на гостя цирюльник.

Вениамин улыбнулся и развел руками, как будто извиняясь за допущенную оплошность.

– И вы, как я понимаю, не оллариушник? – задал еще один вопрос Никита Сергеевич.

– Нет, – отрицательно качнул головой Вениамин.

– Ну что ж, в таком случае, я думаю, вам будет о чем поговорить с Владимиром Ильичом.

Парикмахер подошел к зеркальной стене, нажал потайную кнопку, спрятанную за подставкой для инструментов, и часть стены беззвучно ушла в сторону, открывая ведущий вниз темный проход.

– Я скоро вернусь, – сказал Никита Сергеевич и скрылся во тьме.

Вениамин посмотрел на Сида, ожидая объяснений.

– Все в порядке, Вениамин Ральфович, – ободряюще подмигнул ему Сид. – Никита Сергеевич, хотя и сноб, но мужик свой.

– Кто он такой? – спросил Вениамин.

– По слухам, когда-то он был важной персоной при дворе графа Ван-Звенчика, – Сид подался вперед и стал говорить тише: – Потом, когда Ван-Звенчик пытался захватить власть в системе Вогвана, Никита Сергеевич командовал армией влахов. Ну, а после с ним какая-то странная история приключилась. Дед уверен, что Никита Сергеевич перегрелся на солнце. Сам же он твердит, что просто утомился. Короче, бросил все, прилетел на Веритас и открыл здесь парикмахерскую. Он считает, что Великий Магистр неверно толкует Оллариу и поэтому все на Веритасе идет наперекосяк. А спасти оллариушников может только переход из-под власти Ордена к монархическому правлению. Дед говорит, – Сид перешел на едва слышный шепот, – что Никита Сергеевич сам хочет стать императором Веритаса.

– К этому существуют предпосылки? – спросил Вениамин.

– Кто его знает, – пожал плечами Сид. – Никита Сергеевич уверяет, что на Веритасе существует тайная партия монархистов. Правда, кроме него, я ни одного члена этой партии не знаю. Дед говорит...

Сид умолк на полуслове, глядя Вениамину за спину.

Вениамин обернулся. В проходе меж зеркальных стен стоял человек невысокого роста, одетый в домашнюю курточку из темно-зеленого плюша и помятые штаны. На ногах разноцветные тапочки: на левой ноге – красный, на правой – синий.

– Дед – это я, – неприятливо буркнул новый персонаж, появившийся на сцене, каковой в данный момент являлся парикмахерский зал. – А тебе, Сид, я все время твержу: болтовня до добра не доведет.

С недоумевающим видом парень откинулся на спинку кресла.

– Это ты к чему, дед?

– К чему, к чему, – недовольно проворчал тот, кого Сид называл дедом. – Будто сам не знаешь.

– Это он, между прочим, насчет тебя, – усмехнулся, посмотрев в сторону Вениамина, Сид. – Бойтся, что следом за тобой сюда джаниты нагрянут. У нашего деда эта... Как ее?.. – Сид пару раз щелкнул пальцами, пытаясь вспомнить нужное слово.

– Паранойя, – подсказал вышедший из потайного хода Никита Сергеевич.

– Точно – паранойя! – радостно хлопнул ладонью по подлокотнику Сид.

Вопреки опасениям Вениамина, деда такой диагноз ничуть не обидел.

– Лучше быть живым параноиком, – с гордым видом вскинул он подбородок, – чем мертвым дураком!

– Не обращайтесь внимания, – Никита Сергеевич улыбнулся Вениамину – в целом подобному, но все же с некоторым чувством собственного превосходства.

– Хорошо, не буду, – согласился Вениамин.

– Между прочим, дед, – с упреком заметил Сид, – если бы не Вениамин Ральфович, спал бы я сейчас на лежаке в «Ультима Эсперанца». Или, что скорее всего, с тоской пялился бы в потолок, потому что завтра меня должны были отправить на Мусорный остров.

– А! – с показным безразличием махнул рукой дед. – Ты все одно рано или поздно там окажешься.

– Что меня удивляет, – решил сказать свое слово Вениамин, – так это то, что все вы говорите на превосходном коренном языке.

– Старжик – язык плебса, – презрительно скривил губы Никита Сергеевич.

– Его завезли на Веритас оллариушники, – добавил дед. – До них здесь говорили только на коренном.

– Незыблемость традиций – вот тот фундамент, на котором держится общество.

Вениамин постарался, чтобы фраза прозвучала без особого пафоса, но все же не удержался, чтобы не поиграть немножко голосом. И успех был налицо. Никита Сергеевич с пониманием наклонил голову. А дед посмотрел на Вениамина внимательно, после чего сделал шаг к нему навстречу и протянул руку.

– Ленин. Фамилия такая.

– Очень приятно, – улыбнулся, пожимая широкую, трудовую ладонь, Вениамин.

– Владимир Ильич, – добавил дед, пристально глядя в глаза Вениамина.

– Обвалов, Вениамин Ральфович.

Дед слегка прищурился, как будто подозревал в чем Вениамина.

– Мое имя не кажется вам знакомым?

Вопрос озадачил Вениамина. Ленин как будто был уверен в том, что имя его должно быть известно если не всем и каждому, то уж по крайней мере всякому интеллигентному человеку. Но Вениамину оно абсолютно ни о чем не говорило. И даже ассоциаций никаких не возникло, – имя как имя, не лучше и не хуже любого другого.

– Нет, – смущенно признался Вениамин. – К сожалению, слышать ваше имя прежде мне не доводилось.

Глаза деда превратились в узкие щелки, а уголки губ поползли вниз.

– А если я скажу, что моя настоящая фамилия Ульянов?

Не требовалось большого ума, чтобы понять – Ульянов-Ленин не просто ждет, но жаждет, чтобы его непременно узнали. Вениамин задумался. В памяти его хранился огромный объем всевозможнейшей информации, но отыскать среди вороха дат, имен, фактов, технических данных и прочих характеристик как людей, так и неодушевленных объектов, фамилию «Ульянов», точно так же, как и «Ленин», не удавалось. Даже ничего похожего – как назло! А дед – ясный свет! – на фальшивку не купится. Впервые после посадки на Веритас Обвалов

пожалел, что нет рядом с ним Фредриксона – уж он бы непременно придумал, чем ублажить деда. И вдруг пришло озарение.

– Конечно же! – радостно улыбнулся Вениамин. – Марк Ульянов! Творец экономического чуда, человек, за пять лет поднявший рейтинг эффективности денежных вложений системы Андерсона с триста восемьдесят шестого на пятое место! – Вениамин был уверен, что не ошибся. – Он ваш родственник?

Дед презрительно оттопырил нижнюю губу.

– Во-первых, я не Ульянов, а Ульянов. Во-вторых, никакой мне ваш Марк не родственник. В-третьих, я не экономист, а вождь вселенского пролетариата.

– Кого? – растерянно переспросил Вениамин.

– Пролетариата, – тщательно артикулируя каждую букву, повторил дед. – То есть рабочего класса, – дед указал пальцем на потолок. – Вселенского.

На всякий случай Вениамин глянул на потолок, но, увы, ничего достойного внимания там не узрел. Поэтому ему оставалось только глубокомысленно протянуть:

– А-а-а...

– Вот тебе и «а», – ехидно усмехнулся дед.

Вениамин с трудом удержался от желания почесать затылок – состав компании, в которой он оказался, наводил на серьезные размышления. Если бы Обвалову было куда податься, он бы, не раздумывая долго, вежливо попрощался со всеми и отправился восвояси. Но, поскольку идти было некуда, приходилось тянуть бессмысленный разговор.

– Простите, вы все же Ульянов или Ленин? – спросил Вениамин у деда.

– Ульянов-Ленин! – дед выпятил грудь колесом, словно ожидал, что Вениамин медаль прицепит на лацкан его домашней курточки. – Но лучше называйте меня, как все, просто дедом. – Понизив голос до доверительного полупшепота, дед добавил: – В целях конспирации.

– Да, конечно, – не задумываясь особо, тут же согласился Вениамин. – А меня можете называть просто Вениамином. Это мое собственное имя, но, полагаю, услышав его, никто не догадается, что речь идет именно обо мне.

– Хм. Использовать собственное имя в качестве псевдонима... – Дед в задумчивости провёл ногтями по покрытой трехдневной щетиной щеке. – Оригинальный ход. Никогда прежде о таком не слышал.

Удостоившись одобрительного взгляда Ильича, Вениамин смущенно потупился.

– А опыт конспиративной работы у вас имеется, Вениамин? – спросил Ульянов-Ленин.

– Дед! – с укоризной посмотрел на вождя вселенского пролетариата Сид. – Снова ты за свое!

Но дед только отмахнулся, точно от пыли, летящей в глаза.

– Полагаю, что да, – Вениамин бросил быстрый взгляд на деда, ожидая новых вопросов.

– Вениамин Ральфович – контрабандист, – уточнил Сид.

– Да неужели! – восторженно вскинул брови Ильич. – И большой у вас опыт работы?

– Двенадцать лет, – ответил Вениамин.

– Превосходно, молодой человек, превосходно, – словно классный наставник, дед одобрительно похлопал Вениамина по плечу. – А экзами заниматься приходилось?

Вениамин в очередной раз пожалел о том, что нет рядом Фредриксона.

– Простите, чем?

– Экспроприациями, – ввел более употребимое понятие дед.

Ненадолго задумавшись, Вениамин решил, что, во избежание осложнений, ответ следует дать отрицательный, и покачал головой.

– Ну, ничего, ничего, – снисходительно улыбнулся дед. – Это дело освоить несложно.

– Дед! – снова подал голос Сид.

– Сколько раз тебе повторять, Сидор! – рявкнул на парня Ульянов-Ленин. – Не встречай, когда старшие разговаривают!

Вот тебе на! – Вениамину едва удалось скрыть усмешку. Оказывается, «Сид» – это усеченный вариант «Сидора».

– Послушайте, господа, – нервно потирая руки, обратился ко всем присутствующим Никита Сергеевич. – А не перебраться ли нам на новое место? – он указал на проход за зеркальной стеной, из которого появился дед. – А то ведь, сами понимаете, соседи, – объяснения были адресованы главным образом Вениамину. – Ночью в доме слышимость великолепная.

– Конечно! – с готовностью ответил за всех дед. – Я только в сортир заскочу.

Дед направился в сторону неприметной белой дверки, находившейся в дальнем конце парикмахерского зала. Никита Сергеевич сказал, что ему нужно проверить входную дверь, и скрылся в предбаннике, а Сид схватил Вениамина за локоть и весьма настойчиво повлек его за собой в темнеющий за зеркалами проход.

– Слушай, Вениамин Ральфович, – на ходу торопливо зашептал парень. – Ты не обращай внимания на то, что дед болтает. Он хоть и не совсем в своем уме, но вреда от него никакого. Дед всю свою жизнь проработал чистильщиком в космопорте Гранде Рио ду Сол – устранял дефекты покрытия летного поля. Это у них что-то вроде семейной традиции. Племяш его до сих пор в космопорте стоки чистит.

– У них? – перебил Сид Вениамин. – Так, значит, он не твой дед?

– Да какое там, – махнул рукой парень. – Ты же слышал, псевдоним у него такой, для конспирации. Ну так вот, когда Орден провозгласил Веритас суверенной планетой, да еще и закрытой для всего галактического сообщества, нам в ответ была объявлена частичная экономическая блокада. Это означало, что на Веритас нельзя поставлять изделия, при создании которых использовались новейшие высокотехнологичные разработки. В результате оллариишникам пришлось формировать космический флот из списанных кораблей, большинство из которых были еще на жидкотопливной тяге. Соответственно и чистильщикам вменили в обязанность вычищать пламегасители и каналы для отвода слитого топлива. Как-то раз дед замешкался, и его с головой накрыл поток отработанного топлива. Думали, концы отдаст, но дед выжил. И даже пенсию неплохую в канцелярии Великого Магистра себе выбил. Вот только в голове у него после этого помутилось. Дед считает, что, нырнув в отработанное топливо, он, как ему и полагалось, умер, но возродился к жизни после того, как в его тело вселился бессмертный дух Ульянова-Ленина.

– А кто он такой? – спросил Вениамин.

– Дед?

– Да нет, Ленин.

– А черт его знает, – пожал плечами Сид. – Дед говорит, что он вождь мирового пролетариата и создатель первой коммунистической партии.

Вениамин едва не споткнулся на ровном месте. Час от часу не легче! Коммунист, монархист и припанкованный юнец – такую компанию разве что только на том свете встретишь. Ну и планета!

– Сразу предупредить не мог? – недобро глянул на парня Вениамин.

– А что? – искренне удивился тот.

– Я тебя просил в кильдим меня отвести, а не в клинику для душевнобольных.

Сид обиженно насутился:

– Ты сказал, что тебе нужно место, чтобы отсидеться. А здесь место надежное. Дед, после того как идентификатор себе вырезал, уже третий год тут живет. Не нравится – ищи другое.

Конечно, последний аргумент был самым веским – из тех, с которыми трудно поспорить. Да и не до споров сейчас было. Пройдя по потайному ходу, оказались Сид с Вениамином перед

неотделанной дверью из бурого пластика. Все еще не глядя, в обиду на Вениамина, парень несильно толкнул дверь рукой.

Да уж, кильдим был что надо! Просторная комната с осветительной панелью под потолком, пара застланных кроватей, возле каждой – цветной коврик, письменный стол с плоским комп-скрином, два стула и кресло в углу. Воздух свежий и чистый – помещение обслуживала не очистная установка, а добротная, да к тому же еще и бесшумная приточно-вытяжная вентиляция. К недостаткам можно было отнести разве что низкий потолок – протяни руку и достанешь – да отсутствие окон. Ну, тут уж грех жаловаться – кильдим все же, а не номер в «Хилтоне».

Сид сразу же занял место в кресле. Ноги вытянул, руки через подлокотники свесил, так что пальцы едва не касались пола, голову блаженно на спинку откинул – ни дать ни взять странник, что, проделав долгий путь, наконец-то вернулся домой. Вениамин встал посреди комнаты, руки за спиной скрестил – точно ждет чего. А чего ждет – никому не ведомо.

Сид глянул на Вениамина вполглаза.

– Садись.

Вениамин, как спиной к парню стоял, так даже и не обернулся, только кистью руки недовольно дернул.

Сид руки за голову заложил и глаза блаженно зажмурил. Хорошо – тихо, спокойно, – все равно как дома. Дедов схорон – это тебе не камера в «Ультима Эсперанца». А вот домой теперь не скоро попадешь. Хорошо еще, что не ждет там тебя никто. Некому за тебя волноваться, Сид-Сидор. И не спросит никто – куда, мол, Сид подевался? – если все ж таки загремишь ты на Мусорный остров, как предсказывает дед.

Неслышно ступая, в комнату вошел Никита Сергеевич.

– Вы кушать хотите? – негромко поинтересовался он.

Вениамин улыбнулся с благодарностью и отрицательно качнул головой.

– Тогда, может быть, кофе? Или чаю? Простите, но спиртного я не держу.

– Если можно, чаю, – попросил Вениамин.

– Сид? – вопросительно посмотрел на развалившегося в кресле парня цирюльник.

Сид скрестил руки над головой.

Никита Сергеевич достал из-под стола старенький электрический чайник с подставкой-кипятильником, водрузил его на край стола и нажал сетевую клавишу. Пока вода закипала, он выставил на стол три чашки в форме перевернутой груши – с расширенным верхом и узким доньшком, – поставил их на стол и бросил в каждую по капсуле с концентрированной заваркой.

– Подсластитель? Молоко? Имбирь? – посмотрел он через плечо на Вениамина.

– Нет, спасибо, – отрицательно качнул головой Вениамин.

В комнату с шумом ворвался дед. Быстро глянув по сторонам, словно пересчитывая взглядом присутствующих, он хлопнул дверью и бросился к кровати.

Вениамин подумал было, что дед собирается лечь спать, но Ульянов-Ленин откинул матрас и достал из-под него пачку помятых брошюр, отпечатанных на принтере, найденном не иначе как на свалке, – качество печати было ужасающим.

– Читал? – протянул он Вениамину одну из тоненьких книжечек.

«Призрак бродит по Вселенной, – прочитал Вениамин на первой странице. – Призрак коммунизма».

Стиль был так себе, поэтому и читать дальше не хотелось. Из одной только вежливости Вениамин спросил:

– Это ваше сочинение?

– Ну, не совсем мое, – смущенно отвел взгляд в сторону Ульянов-Ленин. – Это классическое произведение, которое я адаптировал к нынешней ситуации.

– Триллер? – высказал предположение Вениамин.

Брови деда сошлись у переносицы.

– Чего? – медленно произнес он.

– Я имею в виду – хорор? – сделал попытку исправить положение Вениамин.

– Сам ты хорор! – дед выхватил из рук Вениамина брошюру. – Это «Манифест коммунистической партии»! Программный документ, открыто провозглашающий конечные цели борьбы пролетариата! – дед в запале взмахнул над головой пачкой брошюр. – «Пролетарии всей Вселенной, соединяйтесь! Возьмемся за руки, друзья!»

Вениамин понял, что снова попал впросак. И на этот раз глубокомысленным междометием ему не отделаться.

Спасение пришло со стороны цирюльника-монархиста.

– Ваш чай, Владимир Ильич, – подал он чашку со свежесваренным чаем Ульянову-Ленину.

Дед кинул брошюры на кровать и взял чашку из рук Никиты Сергеевича.

– Прошу вас, – Никита Сергеевич протянул вторую чашку Вениамину.

– Благодарю, – облегченно вздохнул Обвалов.

Никита Сергеевич с пониманием улыбнулся и пододвинул Вениамину стул. Взяв и себе чашку, цирюльник присел на край свободной кровати. Дед уселся на другую кровать – поближе к своим брошюрам.

– Вы напрасно накинулись на молодого человека, Владимир Ильич, – умиротворяющим тоном произнес Никита Сергеевич. – Я, в отличие от вас, с первого взгляда понял, что Вениамин Ральфович убежденный монархист.

Сказав это, цирюльник краем глаза заговорщицки глянул на притихшего в ожидании дальнейших событий Вениамина.

Обвалов мигом сообразил, что лучше с Никитой Сергеевичем не спорить. Он лишь вздохнул протяжно и сделал глоток из чашки. Чай, как и следовало ожидать, был отвратительным.

– Порвать со своим буржуазным прошлым способен каждый, – уверенно заявил дед. – Тому существует немало примеров. И только вы, Никита Сергеевич, вопреки здравому смыслу, упорно не желаете с этим соглашаться.

Никита Сергеевич одарил деда мягкой, всепрощающей улыбкой.

– Не те нынче времена, Владимир Ильич, чтобы уперто талдычить о буржуазном прошлом. Пора вырабатывать новую, более гибкую политику. В смысле – демократизация, гласность, ну и вообще – новое мышление.

– Политика партии верная, потому что она правильная, – сказал как отрубил дед.

– Ну, в таком случае хотя бы лозунг смените. Этого ведь вам партия не запрещает?

– Партия – это я! – объявил дед.

– Ну, так в чем же дело?

– В том, что коней на переправе не меняют!

– Какие еще кони, Владимир Ильич? – болезненно поморщился Никита Сергеевич.

Опершись руками о колени, дед подался вперед.

– Кони – привередливые, – сообщил он оппоненту доверительным тоном.

Никита Сергеевич на удивление резко отреагировал на совершенно бессмысленное, с точки зрения Вениамина, заявление Ильича.

– А вот этого – не надо! Не надо, Владимир Ильич, нам здесь цитатки подбрасывать! Знаете ведь, чего я не терплю – так это пошлости!

Дед засопел недовольно, но ничего не ответил.

– Знаете, уважаемый, в чем слабость вашей позиции? – снова обратился к деду цирюльник. – Коммунисты не могут предложить никакой созидательной программы. Все действия вашей парии деструктивны и направлены лишь на разрушение того, что было создано другими.

– Можно подумать, вы в состоянии предложить нечто позитивное, – ехидно усмехнулся Ульянов-Ленин.

Никита Сергеевич прищурился с чувством собственного превосходства и гордо расправил плечи.

– Не только можем, но и предлагаем.

Дед глотнул подостывшего чая.

– И что же, позвольте узнать?

– Мы предлагаем народам Вселенной объединиться под десницей богоизбранного монарха, – царственным жестом простер Никита Сергеевич руку над застеленной кроватью.

– И кто же станет правителем Всяя Галактики? – глумливо поинтересовался Ильич.

Никита Сергеевич посмотрел на деда так, словно не понимал, как вообще можно задавать подобные нелепые вопросы?

– Само собой, помазанник божий.

– Где же найти такого? – Ильич дурашливо развел руками и посмотрел по сторонам, точно надеялся, что избранник находится где-то рядом.

Никита Сергеевич сделал вид, а может быть, и в самом деле не заметил откровенной насмешки.

– Я полагаю, что император, вотчиной которого станет Вселенная, должен выйти из рядов богоизбранного народа, – сказал он. И после глубокомысленной паузы, которую никто не посмел прервать, добавил: – Я имею в виду тех, чьей исторической родиной является планета Земля.

– Землянин, значит, – кивнул дед. – И вы полагаете, прочие разумные расы с готовностью его примут?

– А почему бы и нет? – искренне удивился Никита Сергеевич.

– Да потому что у каждой из них наверняка имеется свой кандидат на престол!

– Ну, в таком случае, можно пригласить варяга, – легко нашел компромисс цирюльник.

– Ох, Никита Сергеевич, Никита Сергеевич! – с сожалением покачал головой дед. – Ну никак не хотите вы правде в глаза смотреть.

– И в чем же заключается ваша правда, Владимир Ильич?

– В том, что народам Вселенной нужен не император и даже не царь-батюшка, а харизматичный вождь, которым способен стать только генеральный секретарь коммунистической партии, объединяющей в своих рядах всех трудящихся, что своими руками создают прибавочную стоимость!

Решительно не понимая, о чем идет речь, Вениамин посмотрел на Сиду в надежде, что хоть он объяснит ему смысл происходящего. Сид же только пренебрежительно рукой махнул, – не обращай, мол, внимания, Вениамин Ральфович.

Подумав, Обвалов решил, что это дельный совет. Откинувшись на спинку стула, он достал из-за пояса журнал «Мягкая игрушка» и для начала просмотрел оглавление. Раздел «Новые поступления» был на месте. Затаив дыхание в предвкушении встречи с маленьким чудом, Вениамин раскрыл журнал на нужной странице.

Тут же за спиной у него нарисовался Сид. Положив руки на спинку стула, парень заглянул Вениамину через плечо.

Обвалов захлопнул журнал и недовольно покосился на Сиду.

– Что?

– Скажи честно, Вениамин Ральфович, – шепотом обратился к нему парень. – Зачем ты отобрал у джанита журнал?

Вениамин усмехнулся.

– Я уже говорил – коллекционирую плюшевых мишек.

– Ну да, – обиженно напустился Сид. – За дурака меня держишь?

- Ну, а зачем еще, по-твоему, он мне нужен?
- Почем мне знать? – недовольно буркнул Сид.
- И что теперь?
- Сказал бы я тебе...

Вениамин тяжело вздохнул – трудно разговаривать с человеком, который отказывается тебя понимать.

– Скажи лучше, чем спор деда с цирюльником закончится? – спросил он, чтобы перевести разговор на тему, которая воспринималась бы Сидором не столь болезненно.

– Известно чем, – с готовностью ответил парень. – Поговорят и придут к выводу, что вождь вселенского пролетариата заодно может оказаться помазанником божьим. Тогда и варяга приглашать не нужно и с прибавочной стоимостью будет полный порядок.

Вениамин с интересом посмотрел на спорщиков – между ними и в самом деле вроде как начал намечаться консенсус. Вениамин глянул через плечо на притихшего Сида.

– Ты хочешь сказать, что эта тема уже обсуждалась?

– Да они каждый раз, как сойдутся, так только об этом и талдычат, – усмехнулся Сид. – Два долдона.

– И какой в этом смысл?

Вопрос Вениамина был обращен не столько к собеседнику, сколько к себе самому. Но ответил ему Сидор:

– Ты, наверное, будешь удивлен, Вениамин Ральфович, но совершенно никакого.

Услышав такое, Вениамин с новым, неожиданным для себя самого интересом посмотрел на спорщиков.

Никита Сергеевич убежденно возвестил:

– Монархия – мать порядка!

И Владимир Ильич тут же подхватил его мысль:

– Порядка, который возможен лишь при строгой партийной дисциплине!

– Возможно, оба они производят впечатление полных идиотов, – тихо произнес за спиной Обвалова Сид. – Но, поверь мне, Вениамин Ральфович, это не так.

И Вениамин был с этим полностью согласен. Увы, перед ним были не борцы с режимом, но эти люди не хотели кричать вместе со всеми «Оллариу!», не понимая, что это значит.

– Вениамин Ральфович, – голос Сида на этот раз прозвучал возле самого уха. – А все же, зачем тебе журнал про игрушки?

Вениамин в отчаянии закатил глаза к потолку.

– Поклянись, что никому не скажешь.

Горячий выдох едва не обжег Обвалову ухо:

– Клянусь!

Вениамин ответил не сразу – сделал вид, что все еще колеблется.

– В этом журнале, – Обвалов постучал пальцем по глянцевой обложке с изображением плюшевого мишки, – на шестьдесят шестой странице размещено рекламное объявление, которое на самом деле является зашифрованным сообщением для меня.

За спиной царила тишина.

Не понимая, в чем дело, Вениамин обернулся.

Сид смотрел на него глазами, горящими восторгом и обожанием. Вениамин понял, что теперь Сидор готов сделать для него все что угодно – хоть босиком на углях сплясать, хоть вплавать на Мусорный остров отправиться. Вопрос только в том, много ли будет от этого толку?

Глава 5

В которой герои завтракают и разговаривают, а читатель между тем знакомится с историей Ордена поклонников Хиллоса Оллариушника

*Орден поклонников Хиллоса Оллариушника (до зимы 1998/99-го – Секта) был образован первого июня 1998 года от Рождества Христова. Этот день является праздничным для всех членов Ордена.
Устав Ордена поклонников Хиллоса Оллариушника.
Изначальный вариант. Раздел «Об образовании Ордена»*

Первоначальный план, казавшийся Вениамину без малого обреченным на успех, потек, точно лед на весеннем солнышке, в тот момент, когда зажавшийся хам из комендатуры космопорта отказался принять вполне приличную взятку контрабандным табаком. А после побега из образцово-показательной оллариушной тюрьмы «Ультима Эсперанца» от него осталась только грязная лужица. Срочно внесенные коррективы были не в состоянии выправить положение. Для спасения ситуации нужен был нетривиальный ход. Вениамин уже примерно представлял себе, в каком направлении следует двигаться, но для того, чтобы принять окончательное решение, ему требовалась дополнительная информация, работу по сбору которой он решил отложить до утра, поскольку его потянуло в сон прежде, чем коммунист с монархистом закончили спор, плавно перетекший в выработку единой программы.

Сидор достал из стенного шкафа надувной матрас и пакет с одноразовым постельным бельем, которые и предложил Вениамину. Засыпая, Обвалов все еще слышал, как Никита Сергеевич и Владимир Ильич спорят по поводу державного гимна, призванного слить в единый хор голоса пролетариев и аристократии. В качестве музыки будущего гимна они единогласно утвердили песенку из популярного мюзикла «Союз», семьдесят пять лет продержавшегося на сцене и сошедшего с нее совсем недавно, так что разухабистые куплеты главных героев все еще были у всех на слуху. А вот со словами вышла заминка. Ильич предлагал оставить те же, что в мюзикле, аргументируя свою позицию тем, что в старом тексте имелись в наличии такие превосходные слова, как «да здравствует», «воля», «народ», «нерушимый» и, что самое главное, – «великий» и «могучий», не имевшие в данном контексте никакого отношения к русскому языку. Сергеичу же непременно хотелось, чтобы в гимне присутствовали слова «орел златоглавый», «бог», «крест» и уж совершенно непременно – «черепашки-ниндзя». Какое отношение к царю-батюшке имели рептилии-мутанты, Обвалов так и не смог уяснить, потому что заснул.

Проснувшись поутру, Вениамин был несказанно удивлен, обнаружив Владимира Ильича сидящим за столом перед включенным комп-скрином. Одет Ленин был так же, как вчера, даже тапочки на ногах по-прежнему были разномастные; сие наталкивало на мысль, что в эту ночь дед вовсе не ложился. Тем более что и кровать его была аккуратно застелена. На соседней же кровати, накрывшись с головой одеялом, сладко посапывал Сид.

Заметив, что гость проснулся, Владимир Ильич оторвал взгляд от скрина.

– Как спалось, Вениамин Ральфович? – Ленин приподнял и снова опустил плечи – вроде как потянулся.

– Спасибо, хорошо.

Вениамин поднялся на ноги, сделал несколько энергичных движений, чтобы восстановить гибкость мышц и подвижность суставов, и принялся собирать постель.

– Я тут новости просматривал, – как бы между прочим сообщил дед. – Слыхали, наверное, о пассажирском транспорте «Бродерик-012», что оллариушники три дня назад посадили на Веритасе?

– Нет.

Обвалов смял постельное белье в ком и бросил в контейнер биоутилизатора, стоявший в дальнем углу комнаты.

– Неужто не слышали? – посмотрел в затылок Вениамину дед.

– Нет, – Обвалов сдавил двумя пальцами клапан надувного матраса, чтобы выпустить воздух. – А что там произошло?

Вместо того, чтобы ответить, Ленин сам задал вопрос:

– Вы нас покидаете?

– Не хочу злоупотреблять гостеприимством, – ответил Вениамин, скручивая матрас.

Следующая реплика была за дедом, но Владимир Ильич хранил молчание.

Вениамин убрал матрас в стенной шкаф, снял со спинки стула ветровку и посмотрел по сторонам.

– Что-то потеряли? – поинтересовался дед.

– Уже нашел.

Вениамин выдернул из-под подушки Сиды журнал «Мягкая игрушка», открытый на шестьдесят шестой странице, – не иначе как парень пытался отыскать ключ к несуществующему шифру.

– Так что там насчет транспортника? – спросил он у Владимира Ильича.

– Третьего дня оллариушники захватили и посадили на Веритасе пассажирский транспорт, принадлежащий Земной федерации. Транспорт следовал по маршруту Земля – Новый Вавилон, и каким образом он мог оказаться в секторе, подконтрольном Веритасу, для меня лично загадка. Полагаю, что для всех остальных – тоже.

– Зачем оллариушникам транспорт? – недоумевающе пожал плечами Вениамин.

– Трудно сказать, – Владимир Ильич озадаченно поскреб ногтем намечающуюся на макушке лысину. – Но еще более странно то, что сегодня утром транспорт освободили без каких-либо условий или оговорок, – прищурившись, дед посмотрел на Вениамина. – Что думаете по сему поводу, Вениамин Ральфович?

– Информация достоверная? – спросил Обвалов.

Ильич щелкнул ногтем по скрину.

– В утренних новостях локальной сети передали.

Вениамин посмотрел на журнал, который держал в руке. Фредриксон – вот кто ему сейчас был нужен.

– Ерунда получается.

– И не говорите, Вениамин Ральфович, – согласился с таким определением Ленин.

– Когда отправляется транспорт?

– Уже отбыл, – Владимир Ильич сделал жест рукой, как будто подбрасывая что-то к потолку. – В семь двадцать пять по местному времени. – И сразу, без паузы: – Завтракать будете?

– Что? – растерянно переспросил Вениамин, мысли которого были заняты отнюдь не едой.

– Есть хотите? – переспросил дед.

Есть не хотелось, но Вениамин решил не отказываться.

– Да неплохо бы было.

– Разбудите Сидора, – дед взглядом указал на все еще спавшего парня. – А я схожу посмотрю, как дела у Сергеича. Если клиентов нет, принесу завтрак.

Владимир Ильич поднялся, выключил комп-скрин и вышел за дверь.

Вениамин стоял у стола и задумчиво смотрел на погасший экран. Фигня – иначе и не скажешь. Но, с другой стороны, ему-то какое дело? Он теперь имеет полное право умотать с Веритаса, пребывание на котором не доставляло ему ни малейшего удовольствия.

– Сид! – громко позвал Вениамин.

Парень дернулся и что-то промычал из-под одеяла.

– Вставай, Сид!

В ответ – все то же мычание. Только на этот раз Сидор, проехавшись носом по подушке, перевернулся на другой бок – должно быть, полагал, что в таком положении голос Вениамина не будет ему досаждать.

А Вениамин и не собирался снова взывать к сознательности Сидора. Он подошел к кровати и одним махом сдернул с парня одеяло. Сид коротко пискнул и скорчился, точно зародыш, все еще пытаясь сохранить иллюзию сна. Что ж, Вениамину не оставалось ничего другого, как только схватить Сидора за ногу и скинуть на пол.

– Абэ, хайван! – заорал Сид, вцепившись обеими руками в подушку, свалившуюся вместе с ним.

– Я те ща покажу хайвана! – пригрозил Вениамин.

Сидор обиженно набычился, поджал коленки к груди и затих.

– Одевайся! – Вениамин кинул парню одежду. – Дед сейчас завтрак принесет!

– Подумаешь, – мрачно буркнул Сид.

В сердцах швырнув подушку на кровать, он поднялся на ноги и принялся натягивать штаны.

– У тебя другой одежды нет? – спросил Вениамин, глядя на худую спину парня с выступающими позвонками.

– А на фига?

– Ну так, для разнообразия.

– На фиг.

Парень был явно не в духе.

– Ты чего злой такой? – вполне миролюбиво поинтересовался Вениамин.

– А ты чего меня с кровати скинул? – вопросом на вопрос ответил Сид.

При этом он даже не посмотрел на Вениамина – завязывал края рубашки узлом на животе и старательно делал вид, что всецело поглощен этим занятием.

Вениамин положил руки на спинку кровати, чуть подался вперед и вперил тяжелый взгляд парню в затылок. Не прошло и пяти секунд, как Сидор поднял руку и почесал затылок. Затем оглянулся.

– Чего?

– Мне нужно поговорить с тобой, пока дед не вернулся, – тихо произнес Вениамин и многозначительно шевельнул бровями.

Рот парня чуть приоткрылся, глаза радостно блеснули. И все же, следует отдать ему должное, сдался он не сразу. Какое-то время Сид еще пытался делать вид, что слова Вениамина несколько его не заинтересовали. А если и заинтересовали, так самую малость. Во всяком случае, не настолько сильно, чтобы забыть о нанесенной обиде. Впрочем, какая уж тут обида. Вставать и в самом деле было пора, а дед мог вернуться в любую минуту, и тогда уж никакого тайного разговора не выйдет. Ильич въедлив, что твой клещ, – раз впявится и уже не отпустит.

Сид степенно одернул рубашку и солидно осведомился:

– В чем суть дела?

– Ты вчера говорил, что у деда племяш в космопорте работает, сливные каналы чистит, – напомнил Вениамин.

– Ну?

– Ты с ним знаком?

– Да нет, не очень. Видел пару раз... – Сид вначале замялся, а потом вдруг со всей решительностью выпалил: – Отмороженный он!

– В каком смысле? – не понял Вениамин.

– В голове у него жуки, – для наглядности Сид постучал пальцем по виску. – Они ведь с дедом на пару в отработанном топливе искупались. Так он с тех пор от запаха использованного ракетного топлива кайф ловит. Когда не на смене, то с собой в пузырьке носит. И нюхает без конца. Пива хлебнет – и нюхает.

Вениамин задумался, обхватив ладонью подбородок. Именно такой деградант и был ему нужен. Главное, чтобы у него хватило соображения сделать то, что от него требуется.

– Как зовут дедова племяша?

– Жан-Мари.

– Хорошее имя, – кивнул Вениамин.

– Жан-Мари Канищев.

– Еще лучше, – даже бровью не повел Вениамин. – Как его отыскать?

Но Сид был не так прост, чтобы разом выложить всю информацию. В принципе, он не имел ничего против того, чтобы поделиться тем, что знал, с Вениамином Ральфовичем, но при этом хотел непременно получить что-то взамен.

– А зачем он тебе? – спросил Сидор.

Прежде чем ответить, Вениамин подошел к столу, достал чайник, установил его на подставку-кипятильник и нажал сетевую клавишу. Вода в чайнике тут же забултыхала.

– У меня корабль в космопорте.

– Тю! – усмехнулся Сид. – Никак, свалить собрался?

Вениамин и не собирался отпираться.

– А что мне здесь делать? – недоумевающе посмотрел он на парня. – Оллариу вместе со всеми кричать?

– Напрасно вы так, Вениамин Ральфович.

Вениамин обернулся на звук голоса, раздавшегося у него за спиной.

В дверях стоял Никита Сергеевич со стопкой одноразовых пластиковых тарелок в руках. На верхней тарелке лежал пакет с мелкими коричневыми кусочками сублимированного продукта, происхождение которого по внешнему виду определить было трудно.

– Доброе утро, Никита Сергеевич, – приветливо улыбнулся Вениамин.

– Доброе утро, – цирюльник склонил голову в немного манерном полупоклоне. – Как спали?

– Благодарю, превосходно, – изобразил ответный поклон Вениамин.

– Если не возражаете, я откушаю вместе с вами.

– Будем рады, – сделал приглашающий жест Вениамин.

Никита Сергеевич поставил тарелки на стол, рядом с уже пыхтевшим вовсю чайником. Вскрыв пакет с сублимированным продуктом, он высыпал содержимое в глубокую миску, залил кипятком, добавил приправы из маленького пакетика и как следует перемешал. При этом он еще и говорил негромко, обращаясь, как прежде, к Вениамину, хотя и стоял к нему спиной:

– Смею предположить, Вениамин Ральфович, что ваше пренебрежительное замечание относительно Оллариу является следствием весьма поверхностного знакомства с историей Ордена поклонников Хиллоса Оллариушника. Не так ли?

– Не стану отрицать, – ответил Вениамин. – За пределами Веритаса мало что известно о поклонниках Хиллоса. Я читал Устав Ордена, но не более того.

– Вы читали Устав? – Никита Сергеевич с интересом посмотрел на собеседника. – И что же, позвольте узнать, сподвигло вас на это?

– Я вообще много читаю, – ушел от прямого ответа Вениамин.

– Конечно, – Никита Сергеевич вернулся к приготовлению завтрака. – Увы, одна из главных ошибок, допущенных Великим Магистром Ордена, – я имею в виду нынешнего Великого Магистра, господина Ги Циковского, – является то, что все, так или иначе связанное с Орденом, он окружил завесой таинственности.

Закончив перемешивать содержимое миски, Никита Сергеевич аккуратно постучал ложкой о край, чтобы стряхнуть с нее капли подливки, и повернулся лицом к Вениамину.

– Через пять минут будет готово, – сказал он, присаживаясь на стул. – Итак, как я уже сказал, имя нынешнего главы Ордена поклонников Хиллоса Оллариушника – Ги Циковский. По слухам, до того как стать Великим Магистром, он зарабатывал на жизнь хакерством. Судя по отзывам, хакером он был не особо искусным, а потому промышлял только взломом серверов мелких частных фирм. Естественно, больших денег на этом не заработаешь – кого, скажите на милость, интересуют бухгалтерские отчеты компании с ограниченной ответственностью, занимающейся поставками мороженных куриных окорочков в дальние колонии? Разве что только налоговую полицию, которая и без Ги Циковского свое дело сделает. Но примерно десять лет назад Ги вытащил счастливый билет. Или, если хотите, поймал золотую рыбку. Это было электронное сообщение, отправленное еще в самом начале двадцать первого века. Каким-то непостижимым образом сообщение затерялось в сети и бродило по ее каналам, перебираясь с одного сервера на другой, до тех пор, пока на него по чистой случайности не наткнулся Ги Циковский. Сообщение было отправлено Великим Магистром Ордена поклонников Хиллоса Оллариушника некоему адресату, чье имя, увы, затерялось в веках, и содержало в себе Устав Ордена. Ги Циковский вовремя догадался сохранить сообщение в тайм-формате, дабы подлинность его датировки не вызывала сомнений.

Вениамин с неподдельным интересом слушал рассказ цирюльника, поскольку придерживался мнения, что бесполезных знаний не существует в принципе. Информация, которая в данный момент кажется ненужной, спустя какое-то время может оказаться жизненно важной. К тому же, во внешнем мире и в самом деле мало что было известно о религии, исповедуемой поклонниками Хиллоса.

– В летописях не сохранилось никакой информации об Ордена поклонников Хиллоса Оллариушника, – продолжал между тем Никита Сергеевич. – Либо Орден просуществовал недолго и не оставил заметного следа в истории человечества, либо кто-то намеренно изъясил из архивов все упоминания о нем. Как бы там ни было, Ги Циковский стал первым, кто спустя столетия возвестил о существовании Ордена поклонников Хиллоса Оллариушника. Тот факт, что Устав Ордена попал к нему через гала-сеть, Ги преподнес как божественное откровение, адресованное конкретно ему. Эдакий постмодернистский Моисей, – Никита Сергеевич усмехнулся, – Господь общается с ним посредством гала-сети, а он передает его слова народу. Объявив о возрождении Ордена поклонников Хиллоса Оллариушника, Ги Циковский, само собой, первым делом провозгласил себя Великим Магистром. После этого он приступил к толкованию Устава. Сам по себе Устав занимает всего четыре страницы машинописного текста, а его толкования, выполненные Великим Магистром, на данный момент составляют тридцать два увесистых тома. Я попытался осилить этот кладезь мудрости, но, кроме дидактики и бесконечных перепевов одних и тех же мотивов, ничего не нашел. Вкратце, толкования Устава Ордена Ги Циковским сводятся к следующему: грядет второе пришествие, и на этот раз господь явится людям в облике Хиллоса Оллариушника. Самое интересное, – Никита Сергеевич поднял указательный палец, – Ги считает, что свершится сие через гала-сеть.

– Как это? – непонимающе сдвинул брови Вениамин. – Вылезет из комп-скрина, что ли?

– Трудно сказать, – улыбнувшись, развел руками Никита Сергеевич. – Ги Циковского интересует не столько сам процесс, сколько подготовка к нему. В соответствии с умозаключениями Великого Магистра, господь создал гала-сеть именно для того, чтобы подготовить второе пришествие.

– Не знал, что гала-сеть была создана всевышним, – усмехнулся Вениамин.

– Давайте не будем вдаваться в детали, Вениамин Ральфович. Я всего лишь излагаю вам основы учения Ги Циковского. А то, что оно не выдерживает никакой критики, понятно любому здравомыслящему человеку. Хотя если посмотреть на данный вопрос с точки зрения догматической теологии, то, поскольку мир был создан богом, следовательно, и гала-сеть является его творением. Ладно, оставим это, – Никита Сергеевич сделал короткое движение кистью руки, словно убирая с пути невидимую преграду. – Итак, господь создал гала-сеть, но все остальное люди должны сделать сами. Первое, что вменяется им в обязанность, – люди должны возродить Орден поклонников Хиллоса Оллариушника. Второе – учение об Оллариу должно распространиться по всей Вселенной. И, наконец, третье – в гала-сети должен начаться процесс Оллариу.

– Вот этого я совсем не понимаю, – озадаченно качнул головой Вениамин. – Что это за процесс Оллариу, который должен начаться в гала-сети?

Никита Сергеевич загадочно улыбнулся.

– Видите ли, Вениамин Ральфович, весь фокус в том, что никому, кроме самого Великого Магистра Ордена, неизвестно, ни что представляет собой процесс Оллариу, ни то, как и когда он должен начаться. – С видом былинного героя, только что врезавшего палицей по последней все еще скалящейся башке трехглавого дракона, парикмахер гордо вскинул подбородок и сложил руки на груди. – Великолепно, не правда ли?

Пытаясь осмыслить услышанное, Вениамин в задумчивости провел ладонью по лицу.

– Мне трудно разделить ваш восторг, Никита Сергеевич, – признался он наконец немного смущенно.

– Ну как же, Вениамин Ральфович, – с мягкой укоризной посмотрел на него цирюльник. – Это же все равно что взять бессрочный заем в банке, – мол, отдам непременно, но только когда смогу.

– Но начали-то вы не с этого, – напомнил Вениамин. – Мне показалось, что вы хотели привести какие-то доводы в защиту Оллариу.

– Совершенно верно.

Сделав паузу, Никита Сергеевич помешал ложкой то, что находилось в миске, затем добавил немного воды и перемешал снова.

– Я полагаю, – продолжил он, повернувшись лицом к собеседнику, – что Ги Циковский намеренно исказил смысл учения об Оллариу. Ведь что такое Оллариу – не знает никто.

– «Оллариу – призыв к действию. Оллариу – жизнь, стиль жизни. Оллариу – это род отношений между людьми. Оллариу – удовольствие и радость. Оллариу – это всё», – тут же процитировал Сид.

– Вот именно, что всё, – умильно улыбнулся, глянув на парня, Никита Сергеевич. – Всё! – картинно развел он руками, переведя взгляд на Вениамина. – И этим все сказано. Оллариу – это всё, что хочет Великий Магистр Ги Циковский, – не более, но и не менее того. При этом даже семантика слова Оллариу никому не известна.

– Придумал кто-то – вот и вся семантика, – снова подал голос Сид.

Вениамин сделал неопределенный жест рукой, который тем не менее давал понять, что в данном случае он с парнем согласен.

– Быть может, я и согласился бы с вами, – отвечая на реплику Сиды, Никита Сергеевич обращался при этом, как прежде, к Вениамину. – Если бы не Первый Помощник Великого Магистра.

– О Леопольдо говоришь? – это уже был дед, вошедший в комнату с блюдом, на котором в два слоя лежали бутерброды: внизу – с сыром, поверх них – с джемом, судя по цвету, абрикосовым.

Никита Сергеевич не успел ничего ответить – его опередил Сид, возмущенно воскликнувший:

– Где пропал, дед?!

Владимир Ильич поставил блюдо с бутербродами на стол, после чего с невозмутимым видом ответил:

– За дверью стоял. – Заглянув в миску с едой, Ленин постановил: – Готово! – и сел за стол.

– Прошу всех к столу!

Приглашение Никиты Сергеевича было адресовано опять-таки одному Вениамину, поскольку Сид уже подскочил к столу и схватил чистую тарелку.

– А ну! – замахнулся на него ложкой Ильич. – Знай свое место!

– Развел здесь дедовщину, – недовольно буркнул Сид, но все же отошел в сторону, как был, с пустой тарелкой.

– А что же вы, Владимир Ильич, за дверью стояли? – поинтересовался парикмахер.

– Мешать не хотел, – ответил Ленин, раскладывая по тарелкам содержимое миски. – Вы тут о религии беседовали... Прошу! – протянул он Вениамину тарелку, наполненную темно-коричневой массой с вкраплением небольших кусочков плотного вещества. – Венгерский гуляш, – дед поднял за уголок лежавшую на столе пластиковую упаковку из-под сублимированного продукта. – «Влад Цепеш».

– Дед у нас убежденный атеист, – ехидно заметил стоявший в стороне с пустой тарелкой в руках Сидор.

– Религия, – Владимир Ильич поднял перемазанную подливкой ложку, – для пролетариата все равно что бесплатный героин! Пару раз попробовал – и все!

– Прежде ты говорил, что это марихуана, – не удержался от нового глумливого замечания Сид. Хотя и рискованно это было, – на раздаче-то стоял дед.

– Ну так что ж: раньше – марихуана, теперь – героин, – легко, даже не взглянув на парня, парировал реплику Сида Ильич.

Вениамин пристроился на уголке стола, взял пластиковую вилку, у которой почему-то было только три зуба, и осторожно вытянул снизу бутерброд с сыром. Кусочки, плававшие в густой соевой подливке, оказались мясом. В полетах – а летать Обвалову приходилось часто – нередко приходилось сидеть на консервах. Обычно Вениамин отдавал предпочтение консервированным продуктам «Пантагрюэль», поставляемым колонией, расположенной на одноименной планете с удивительным климатом, позволявшим снимать урожай три раза в год и откармливать таких роскошных хрюшек, что сало их было нежно-розовым, прозрачным на просвет и таяло во рту, точно сливочное масло. Впрочем, мясо от «Влада Цепеша» оказалось вполне съедобным. Правда, Вениамин несколько иначе представлял себе венгерский гуляш, но это были уже условности, на которые не стоило обращать внимания.

Последней дед наполнил тарелку Сидора. Следует отдать Ильичу должное, парень получил такую же порцию, как все остальные.

Когда все расселись вокруг стола и принялись за еду, Вениамин решил вернуться к теме, которая была прервана появлением деда.

– Вы упомянули некоего Леопольда, – напомнил он Ильичу.

– Точно, – дед обмакнул кусочек хлеба в подливку и отправил его в рот. – Только не Леопольда, а Леопольдо. Фамилия такая. А полностью зовут его Сяо Леопольдо.

– Между прочим, господин Леопольдо глубоко верующий человек, – ввернул Никита Сергеевич.

– Какое это имеет значение? – не понял ремарки Ильич.

– Просвещенная монархия имеет в основе своей глубокую веру народа в то, что власть дарована свыше, – объяснил парикмахер.

– Ничего себе подарочек, – саркастически усмехнулся Ленин.

Но Никита Сергеевич словно и не заметил его реплику.

– Именно поэтому, – изрек он, потянувшись за бутербродом с сыром, – становление монархического строя, который в скором времени распространится на все обитаемые миры, должно начаться на такой планете, как Веритас, где почти все население является верующим.

– Только верят они не в Иисуса, а в Хиллоса, – вставил ехидный Ильич.

На это его замечание Никита Сергеевич отреагировал незамедлительно:

– Да будет вам известно, Владимир Ильич, господь един, и имя его не имеет никакого значения. Как ни назови бога – Иисус, Магомет, Иегова, Будда или Хиллос, – он все равно останется богом. Проблема заключается лишь в том, чтобы вернуть Оллариу первоначальный смысл.

– Ну, началось, – глядя в тарелку, едва слышно произнес Сид.

Вениамин, признаться, тоже испугался, что дед с цирюльником снова втянутся в бесконечный и абсолютно бессмысленный спор, представляющий интерес только для них двоих. Но, по счастью, этого не произошло. Ильич оставил последнюю фразу Никиты Сергеевича без внимания и вновь завел разговор с Вениамином.

– До того, как на Веритасе объявились оллариушники, Сяо Леопольдо был комп-проповедником – нес в массы слово божье, используя для этого гала-сеть. И даже я, будучи человеком глубоко неверующим, – Ленин приложил руку к левой стороне груди, – вынужден признать, что проповедником он был от бога. Да и человеком был деликатным и в общении приятным. Прежде к нему можно было просто так взять да зайти, чтобы словом-другим перемолвиться, – не то что теперь, – Ильич вздохнул с прискорбием, качнул головой и подцепил на вилку сразу три кусочка мяса.

Продолжил за него Никита Сергеевич:

– Именно Леопольдо, как в свое время говорили, раскрутил Орден поклонников Хиллоса Оллариушника через гала-сеть, после чего на Веритас хлынул поток новообращенных. Как мне кажется, это свидетельствует о том, что идея Оллариу не может быть порочной изначально. Будь так, Леопольдо непременно почувствовал бы запах гнили и не принял бы должности Первого Помощника Великого Магистра.

– Эт точно, – подтвердил дед, корочкой хлеба собирая остатки подливки с тарелки. – Эй, Сидор! – окликнул Ильич парня. – Чаю налей!

Сид что-то недовольно промычал, но все же поднялся со своего места, кинул в чашки капсулированную заварку и стал разливать кипяток.

Разговор за столом как-то сам собой угас. Не потому, что тема была исчерпана, а потому, что никто не считал нужным что-либо говорить. Почувствовав, что пора переходить к делу, Вениамин быстро доел бутерброд с джемом, который, в отличие от так называемого венгерского гуляша, оказался преотвратным – на вкус он больше всего напоминал слегка подслащенный стеарин, – запил чаем и поставил пустую чашку на стол.

– Я хотел поговорить о вашем племяннике, Владимир Ильич, – обратился он к Ленину.

– О Жане-Мари? – Владимир Ильич, казалось, нисколько не был удивлен таким переходом. – Туп как пробка. Да и натура у него дрянная.

– Меня интересует не коэффициент умственного развития вашего родственника, уважаемый Владимир Ильич, а то, что он работает в космопорте, – объяснил Вениамин.

Ульянов-Ленин скосил на Обвалова хитрый взгляд чуть прищуренных глаз:

– И что с того?

– В космопорте стоит мой почтовик.

– Забудь о нем, Вениамин, – Ильич усмехнулся и передал опустевшую чашку Сиду. – Сделай-ка еще чайку, Сидор. Твой почтовик давно уже вскрыт и переведен в состав космофлота имени Хиллоса Оллариушника, – сказал он Вениамину.

– Боюсь, вы ошибаетесь, – скромно улыбнулся Вениамин.

– Да ну? – насмешливо глянул на него Ленин. – Что ж это за почтовик такой, который за сутки вскрыть невозможно?

– В свое время мне представилась удачная возможность внести в него некоторые конструктивные изменения, в основе которых лежат секретные военные разработки, и теперь это не совсем обычный почтовик, – объяснил Вениамин.

Никита Сергеевич, не отрывая взгляда от чая в чашке, хмыкнул весьма неопределенно – не то одобрительно, не то с досадой. Край левой брови Ленина приподнялся вверх.

– И во сколько тебе это обошлось? – спросил прагматичный Сид.

Вениамин коротко и резко взмахнул кончиками пальцев, словно стряхивая с них капли воды.

– Не в деньгах дело. Мне нужно попасть на корабль.

– Улетаешь? – вроде как с осуждением спросил Ильич.

– Работа у меня, – немного смущенно ответил Вениамин. – Я связан договором.

– Понимаю, – наклонил голову Ленин.

И вновь в том, как он это сделал, почти открыто заявило о себе неодобрение.

Вениамин почувствовал раздражение, от которого до злости было рукой подать. В конце концов, что они все от него хотели? Чтобы после вводной беседы о монархизме с коммунистической подложкой он навсегда остался на Веритасе и примкнул к группе заговорщиков, в которой без него было два с половиной человека? Вот уж нет! Не дождутся! Перед дедом и цирюльником у него не было никаких обязательств. А Сид ему еще и должен за то, что из тюрьмы дурака вытащил.

– За ночлег и еду я готов заплатить, – сухо произнес Вениамин.

– В тюрьме у тебя разве не забрали кредитки? – удивился Сид.

Вениамин, не глядя на него, только рукой махнул – мол, не твое дело, так и не вмешивайся!

– Ну что вы, какие деньги, – Никита Сергеевич, стряхнул пальцем прилипшую к усам крошку. – Мы всегда готовы оказать помощь тому, кто в ней нуждается.

Наверное, после такого заявления Вениамину следовало рассыпаться в восторгах и благодарностях. Но не до того ему сейчас было.

– Так как насчет племянника? – снова обратился он к Ленину. – Можно с ним связаться? Владимир Ильич покачал чай в чашке.

– Связаться нельзя. Интерфона у Жана-Мари как не было, так и нет. А выходить через комп-скрин на кабак, в котором он торчит в свободное от смены время, все равно что самому навести на себя джанитов. Нам это надо? – Ленин посмотрел на цирюльника. И сам же ответил: – Не надо!

– Но адрес-то у него есть? – спросил Вениамин.

– Я же говорю, он все время в кабаке торчит, – спокойно ответил Ильич.

– А где он спит?

– На работе, – Ленин посмотрел на Вениамина, словно не понимал, как вообще можно задавать столь нелепые вопросы. – Сливы вычистит – и спит.

– Но отыскать-то его можно? – спросил Вениамин, с трудом сдерживая готовое проявление раздражения. Ему казалось, что Ульянов-Ленин намеренно выводит его из себя.

– Можно, – Ленин наклонил голову к плечу и посмотрел на Вениамина, как птица смотрит на большого, ярко окрашенного жука, пытаясь решить, ядовит он или нет.

Вениамин едва не заскрипел зубами.

– Каким образом?

– Да я ведь сказал уже, – изобразил удивление Владимир Ильич. – Жан-Мари, если не на смене, так все время в кабаке торчит. Сегодня какое число? – вопросительно посмотрел Ленин на Никиту Сергеевича.

– Двадцать восьмое, – ответил тот.

– Четное, – кивнул Ильич. – Значит, Жан-Мари сегодня в ночь на смену заступает.

– Как найти кабак?

– Несложно, если город знаешь, – Вениамину показалось, что по губам Ленина скользнула ехидная усмешка. Впрочем, он мог и ошибиться. – Это самая гнусная забегаловка в квартале Желтые Кирпичи, «Бивис и Батхед» называется.

– Бивис и Батхед – это хозяева заведения?

– Не думаю. Хотя – кто их знает, – Владимир Ильич безразлично пожал плечами. – В квартале Желтые Кирпичи вообще не поймешь, что творится.

– В каком смысле? – спросил Вениамин.

– В самом прямом, – ответил Ленин и отвернулся в сторону, демонстративно давая понять, что на этом его комментарии по данному вопросу закончены.

– Как до него добраться? – спросил Вениамин, полагая, что задает последний вопрос.

– Пешком.

Вениамин стукнул пальцами по столу – ох, напрашивается Ильич на неприятности!

– Все дело в том, Вениамин Ральфович, – обратился к Обвалову цирюльник, более чутко, нежели Ленин, реагирующий на настроение собеседника, – что единственным общественным средством передвижения в Гранде Рио ду Сол являются флиппики. Но для того, чтобы вызвать флиппик, необходимо сообщить свой индивидуальный код. В противном случае вместо транспорта прибывает группа захвата.

Ну что ж, пешком так пешком. Вениамин испытывал единственное желание – поскорее убраться из схрона под парикмахерским салоном, а потому не стал выяснять, далеко ли до квартала Желтые Кирпичи.

– Последняя просьба, Владимир Ильич, – обратился он к деду. – Не могли бы вы черкнуть пару слов племяннику, чтобы он знал, что я пришел от вас.

– Ничего не выйдет, – с сожалением цокнул языком Ульянов-Ленин. – Жан-Мари уверен, что я умер два года назад. Поэтому, если вы заявитесь к нему с запиской от меня, он решит, что вы из местных.

– В каком смысле? – не понял Вениамин.

– Квартал, в который вы собираетесь отправиться, неспроста носит название Желтые Кирпичи, – объяснил Никита Сергеевич. – В нем расположено несколько психиатрических лечебниц и изоляторов для больных с тяжелой формой наркотической зависимости.

– В Гранде Рио ду Сол так много сумасшедших? – удивился Вениамин.

– Не более, чем в любом другом обществе, где человек не может чувствовать себя полностью самостоятельной личностью. Это своего рода проявление инфантилизма, которое, вместо того чтобы исчезнуть с возрастом, закрепляется в сознании, точно нейроблок. Человек попросту не желает отвечать за поступки, которые вынужден совершать для того, чтобы не утратить свой общественный статус.

– Как мне узнать Жана-Мари? – спросил у Ильича Вениамин.

– У любого спроси, – ответил Ленин. – Его там все знают.

– Я тебя провожу, – с готовностью предложил Сидор. – Я знаю, где находится «Бивис и Батхед», и с Жаном-Мари знаком.

Вениамин задумался. С провожатым из местных, конечно же, будет проще отыскать квартал Желтые Кирпичи и полусумасшедшего чистильщика из космопорта. И все же Вениамин сказал:

– Нет.

– Ну, и... – Сид взмахнул рукой, не в силах иначе выразить обуревавшие его чувства. – Иди ты... сам, Вениамин Ральфович!

Сказал и надулся обиженно. Понятное дело – решил, что Вениамин ему не доверяет. Или того хуже – держит за лопуха.

– Мозгами-то пораскинь, Сид. Тебя же первый встречный джанит снова в «Ультима Эсперанца» упечат – им всем сегодня утром ориентировки с твоим портретом выдали.

– Ага, а про тебя, выходит, забыли, – язвительно осклабился Сидор.

– У меня внешность не такая броская, как у тебя, – возразил Вениамин. – Мне в толпе легко затеряться.

– На улицах Гранде Рио ду Сол толпы не собираются, – произнес Ленин, задумчиво глядя на погашенный скрин.

Никита Сергеевич окинул Сид профессиональным взглядом.

– Если дело только во внешности Сидора, то я за полчаса приведу ее в порядок.

Вениамин тоже посмотрел на Сид. В самом деле, если парня постричь, причесать, прыщи на щеках замазать, да еще и приодеть как следует, так и не узнать будет.

– И цепь с шеи снимешь, – властно произнес Вениамин.

– Не, – Сид улыбнулся, вроде как извиняясь, и отрицательно покачал головой. – Цепь снять не могу: ключ от замка потерял.

– Используй кусачки, – посоветовал Вениамин.

Лицо парня растерянно вытянулось.

– А как же я потом?

– Я тебе новую цепь подарю, – пообещал Вениамин. – И замков у меня на корабле – завались.

Глава 6

Которая начинается рассказом о подготовке к походу в квартал Желтые Кирпичи, а заканчивается сообщением о том, что запросил за свои услуги Жан-Мари Канищефф

*Полоумные оллариишники – дети Хиллоса. Они прославляют Его деяниями своими, и, делая Оллариу, возносят Ему молитвы свои.
Устав Ордена поклонников Хиллоса Оллариушника.
Изначальный вариант. Раздел «О продвижении»*

После стрижки и легкого макияжа Сид приобрел некоторое сходство с respectable молодым человеком из приличной семьи, какового, по замыслу Вениамина, и должен был изображать. Никита Сергеевич от щедрот пожаловал Сидору кое-что из личного гардероба. Во-первых, светло-розовую рубашку – отнюдь не заношенную, но совершенно немодную, во-вторых, серые брюки-дудочки – чуть коротковатые, но зато с несминающимися стрелками, в-третьих, пару черных лакированных туфель с острыми носками и архаичными шнурками, которые нужно было завязывать вручную. И, наконец, легкий темно-синий джемпер с тремя пуговицами, настолько уродливый, что Вениамин готов был биться об заклад, что это чей-то подарок, который цирюльник хранил как память, – трудно было себе представить, чтобы Никита Сергеевича, с его утонченным вкусом и аристократическими манерами, хотя бы раз, пусть даже дома, когда его никто не видел, надевал эту фуфайку. Воспользовавшись инструментом, в нужный момент предоставленным Владимиром Ильичом, Вениамин собственноручно перерезал цепь на шее парня и вместе с замком выкинул ее в биоутилизатор.

Когда Сидор наконец взглянул на себя в зеркало, то его взяла оторопь.

– Э-это к-кто? – слегка запинаясь, спросил он, указывая на придурковатого пижона с прилизанными волосами, упакованного в костюмчик, стиль которого, конечно, можно было определить как эклектичный, но это было бы равносильно тому, что вообще ничего не сказать. Подобное сочетание совершенно несочетаемых предметов гардероба могло появиться разве что в результате кошмарных видений какого-нибудь новомодного модельера, упавшего накануне вечером с подиума и ударившегося при этом головой о подлокотник кресла председателя жюри.

Вениамин даже засомневался: а стоило ли вообще затевать столь рискованный эксперимент с изменением имиджа? Да и за Сиды, признаться, боязно сделалось – как бы ненароком глупости какие не начал делать или, того хуже, не слетел с катушек. Тем не менее Обвалов бодро возвестил:

– Теперь тебя можно принять за кого угодно, только не за Порочного Сиды, которого ищут по всему Гранде Рио ду Сол.

Парень слегка приободрился. Оно и понятно – кому понравится, когда тебя выставляют идиотом? Другое дело, когда приходится идти на жертвы во имя справедливости. За это можно и пострадать. В меру, конечно, в меру.

– Может быть, и вам, Вениамин Ральфович, прическу слегка подправить? – Никита Сергеевич выразительно щелкнул ножницами, зловеще блеснувшими алмазным напылением на режущих кромках.

Вежливо отказавшись от услуг цирюльника, Обвалов с помощью обычной черной резинки собрал волосы в небольшой хвостик на затылке. Затем он снял ветровку и, точно фокус-

ник, легко встряхнул ее, после чего куртка сменила цвет с вызывающего ярко-малинового на невзрачный серый.

Наблюдавший за метаморфозой ветровки Ильич негромко присвистнул:

– Тоже военная разработка?

– Нет, – улыбнулся в ответ Вениамин. – Купил по случаю на барахолке.

Распрощавшись с гостеприимными хозяевами, Вениамин и Сид вышли на улицу.

Сидор шел чуть ссутулившись, сдвинув плечи, глубоко засунув руки в карманы и слегка приволакивая ноги. Взгляд его то и дело настороженно бегал по сторонам. Ни дать ни взять классический маньяк-потрошитель, высматривающий новую жертву.

– Не горбись, – посоветовал Вениамин. – И вынь руки из карманов.

– Это еще почему? – недовольно буркнул Сид, и без того чувствовавший себя униженным и оскорбленным.

– Будешь горбиться, испортишь осанку, – объяснил Вениамин. – А руки, засунутые в карманы, могут навести джанита на мысль о том, что там у тебя оружие.

Сид что-то недовольно хмыкнул в ответ, но руки из карманов вынул. Теперь он то и дело одергивал джемпер и весьма выразительно двигал задом – одежда была непривычной, поэтому и казалось, что сидит она не так, как следует.

Ночью Вениамин почти не видел города – было не до того, чтобы архитектурой любоваться, – поэтому сейчас он с интересом вертел головой, точно турист, прибывший на экскурсию. Стольный город Гранде Рио ду Сол производил странное впечатление на того, кто оказался в нем впервые. Он не был похож ни на одну из других столиц – а Вениамин повидал их немало, как в метрополиях, так и в дальних колониях, – но вместе с тем трудно было отделаться от впечатления, что где-то тебе уже доводилось видеть нечто подобное. Высотные здания из стекла и бетона, похожие на выросшие из земли гигантские кристаллы, соседствовали с маленькими особнячками в неокOLONIALном стиле; циклопические статуи мускулистых атлетов, возносящие кто факел, кто копье, кто какой-то герб на высоту пятнадцатого-шестнадцатого этажа, на удивление удачно вписывались в вереницы арок, ажурных перекрытий и переброшенных через улицы, кажущихся почти невесомыми подвесных мостов; а патологически уродливые формы, выдавленные из голографических палитр не иначе как последователями вновь, уже в третий раз за текущее столетие, всколыхнувшего умы артистического бомонда одиозного, всеми проклинаемого и одновременно тайно обожаемого пси-арта, почему-то чаще всего демонстрировались на аккуратно подстриженных лужайках в маленьких, чарующе прекрасных и от того кажущихся почти нереальными парках. Вениамину потребовалось какое-то время, чтобы наконец вспомнить, где он видел подобные пейзажи. Это были комиксные города, которые воспроизводили сначала в павильонах студий, а затем в пределах виртуальной реальности кинорежиссеры разных школ и направлений, когда хотели, чтобы действие фильма разворачивалось в месте, не существующем в действительности, но кажущемся смутно знакомым каждому, кто мельком на него взглянет.

– Когда был построен город? – спросил Вениамин.

– Гранде Рио ду Сол был основан пятьдесят два года назад. Сначала это был небольшой городок, состоявший в основном из стандартных жилых корпусов автоматической сборки. Потом, когда дела у колонистов наладились, начали возводить современные здания.

– А почему город называется Гранде Рио ду Сол? Здесь где-то протекает река?

– Рассказывают, что, когда колонист по имени Лопес Мурильо Эстебан-и-Родригес первым высадился на Веритасе, чтобы присмотреть место для поселка, он долго не мог сделать выбор. Стоило ему найти место, казавшееся во всех отношениях безупречным, и чуть отойти в сторону, как он видел перед собой нечто еще более живописное. До самого вечера перелегал он с места на место на своем флипнике и все никак не мог остановиться и послать сигнал на корабль, где ожидали команды к высадке его товарищи. Когда же солнце уже почти заката-

лось за горизонт, он остановился на том самом месте, где сейчас находится столица Веритаса. Только-только прошел дождь, и, выйдя из флипника, Лопес Мурильо Эстебан-и-Родригес увидел, как лучи заходящего солнца скользят по мокрой траве, превращаясь в сказочный поток жидкого золота. И тогда Лопес Мурильо Эстебан-и-Родригес воскликнул: «Вот то самое место, которое я так долго искал! И город, который мы здесь построим, будет называться Гранде Рио ду Сол!»

– Красивая история, – сказал Вениамин.

– Точно, – согласился Сидор.

Прохожих на улицах было немного – день был будний, а на часах всего-то начало четвертого. Жители Гранде Рио ду Сол вовсе не казались несчастными и замкнутыми, они шли по своим делам, привычно не обращая внимания на то, что видели каждый день. Время от времени над прохожими проплывали флипники, маркированные пятизначными серийными номерами. Пару раз видел Вениамин и флипники джанитов, которые двигались быстрее и были выше остальных.

– Джаниты проверяют индивидуальные коды прохожих? – спросил Вениамин.

– Зачем? – пожал плечами Сидор. – Контрольная программа в автоматическом режиме регистрирует индивидуальные коды прохожих и пропускает их через фильтры. Если будет обнаружен человек, находящийся в розыске, либо госслужащий, самовольно покинувший рабочее место, программа подаст сигнал тревоги. Нас с тобой для нее просто не существует.

– Неужели все так просто? – с сомнением прищурился Вениамин. – Достаточно удалить идентификатор, чтобы выйти из-под контроля системы?

– Нет, конечно. Чтобы зарабатывать гроши на хлеб свой насущный, приходится ходить на работу. Если ты госслужащий, то проверка индивидуального кода происходит на рабочем месте. Чтобы купить этот самый хлеб в магазине, нужно воспользоваться кредитной карточкой «Оллариу-банка», которая недействительна без ИК. Хочешь вызвать флипник – сообщи свой ИК. Решил купить билет в скрин-зал – сообщи ИК. Звонишь по интерфону – ИК снимается автоматически. Короче, в Гранде Рио ду Сол невозможно шагу ступить, чтобы не предъявить на контроле свой индивидуальный код.

– Далеко еще? – спросил Обвалов, переводя разговор на другую тему.

– Да нет, скоро на месте будем, – махнул рукой Сидор. – Только, знаешь что, Вениамин Ральфович, давай-ка снова на старжик перейдем. А то в квартале Желтые Кирпичи косо смотрят на тех, кто говорит на коренном.

– Как скажешь, – согласился Вениамин. И, улыбнувшись едва заметно, добавил: – Сейчас ты командир.

По тому, как зарделись кончики ушей у его спутника, Вениамин понял, что слова бальзамом пролились на душу Сидора. Ну и славно. Пусть думает, что хочет, а Вениамину требовалось одно – чтобы Сидор не начал дурковать и не завалил все дело.

– Ара, инц лясир, Сид, растолкуй мне, чем занимается пипл в Гранде Рио ду Сол? Я так разумею, живет Веритас на те гроши, шо через Мусорный остров идут. А остальные шо робят?

– Всяко разное, – ответил Сид. – В основном – сфера обслуживания. Перукарни, кауплусы, скрин-залы, кабаки да прочие забегаловки. Госслужащих много. Как гуторит Великий Магистр: «Оллариу – есть экономия, учет и еще раз экономия». Поэтому куча пиплов сидит и считает, на чем бы еще сэкономить... Направо.

Они свернули в проулок, прошли меж двух домов, один из которых был похож на устремленную в небо ракету, а другой – на гигантский гриб-дождевик, эскалатором поднялись на эстакаду, вознесенную метров на двадцать над мостовой, прошли по крытому переходу и вновь спустились на землю.

– Вот тебе и квартал Желтые Кирпичи! – почти торжественно провозгласил Сидор.

Начиналась улица с двух столбов, обвитых змееподобными драконами, свешивающими с высоты третьего этажа огромные клыкастые морды. На входящих в квартал пялились выпученные глаза, белесые, будто у вареной рыбы, с крошечными, едва различимыми черными точечками зрачков. Дальше серые, невзрачные дома, словно две стены, возносились к небу по обеим сторонам тротуара.

– А шо ж психов да наркоманов на Мусорный остров не отправят? – поинтересовался Вениамин, оглядываясь на оставшихся за спиной чудовищ.

– В одной из своих проповедей Великий Магистр прогугорил: «Даже полный идиот может вдруг сказать шо-нибудь очень оллариушное. Ну а коли так, то не место ему среди тех, хто не в силах понять, в чем сила этого слова».

– Ага, выходит, психи – это те же правоверные оллариушники, – сделал вывод Вениамин. – Как говорится: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное».

– Ну, вроде того, – согласился Сид, хотя смысл аллюзии остался для него непонятен.

В квартале Желтые Кирпичи не было сквериков и парков, что так удачно вписывались в пейзаж центральных районов Гранде Рио ду Сол. Флора здесь была представлена странными деревьями, росшими, как могло показаться, прямо из дорожного покрытия. Высотой метра в три, с очень тонкими стволами, развесистыми кронами и большими, глянцевыми, точно покрытыми слоем вошины листьями, по форме напоминающими растопыренную пятерню, деревья казались сделанными из мягкого пластика. Вениамин даже подошел к одному из них и потрогал листья руками. Но, только оторвав краешек листа и увидев выступившую капельку сока, Обвалов поверил в то, что дерево живое.

– Местные деревья, – объяснил Сид, заметив недоумение спутника. – Новые ростки идут от корней, поэтому, если не загнать их под дорожное покрытие, то вскоре вся улица превратится в непроходимые джунгли. Кто-то из первых колонистов привез саженцы этих деревьев с гор. Сначала их рассадили по всему городу, а потом не ведали, як от них избавиться.

– Пуркуа же здесь оставили? – спросил Вениамин, – похлопав ладонью по гладкому стволу экзотического дерева.

– Бикоз это квартал Желтые Кирпичи, – ответил Сид.

За годы странствий по чужим, зачастую почти не освоенным людьми планетам Вениамин успел привыкнуть к тому, что если кто-то из аборигенов говорит какую-то странную вещь таким тоном, будто никаких комментариев к этому не требуется, то правильное всего сделать вид, будто ты все понял. Иначе серьезно рискуешь в лучшем случае выставить себя полным идиотом. В худшем – нарваться на межэтнический конфликт. Традиции – это такая вещь, которой лучше просто тупо следовать, не выясняя, почему в данном конкретном случае нужно поступать именно так, а никак не иначе.

Ясно было, что квартал Желтые Кирпичи представляет собой некий заповедник, с обитателями которого Вениамин еще не был знаком, а потому и не мог оценить степень их опасности. Впрочем, некоторые из них уже вылезали из своих логовищ и лежищ, чтобы взглянуть на чужаков, забредших на их территорию.

– Ты уверен, шо тут безопасно? – осторожно поинтересовался у Сидора Вениамин.

– Гранде Рио ду Сол – самый безопасный город из всех, шо я ведаю, – уверенно ответил Сидор.

– Ну конечно, – хмыкнул Вениамин, – на Веритасе ведь нет других городов.

Как ни странно, на этот раз Сид ничуть не обиделся на откровенно ироничное замечание спутника. Должно быть, потому, что сейчас он чувствовал себя хозяином положения. А попытку Обвалова пошутить списал на неуверенность, которую испытывал в незнакомом месте Вениамин Ральфович.

– Напрасно иронизируешь, Вениамин Ральфович, – не теряя серьезного вида, ответил Сид. – Уголовщиной в Гранде Рио ду Сол даже и не пахнет.

– Однако тюрьма, в которой я побывал, не пустует.
– Большинство из тех, кого ты видел в «Ультима Эсперанца», оказались там за преступления, относящиеся к разряду идеологических.

– Это шо-то связанное с Оллариу? – высказал предположение Вениамин.

– И с Оллариу тоже. А любое уголовное преступление, совершенное в Гранде Рио ду Сол, раскрывается в считанные минуты. Установить личность преступника с имплантированным идентификатором не составляет труда. Задержать – и того проще.

Из подворотни навстречу Вениамину с Сидом выскользнул низкорослый паренек, одетый в черные спортивные брюки и кожаную куртку, застегнутую под горло на большие круглые алюминиевые пуговицы. На ногах – домашние шлепанцы. Всклокоченные пепельно-серые волосы кое-как зачесаны назад. В левом ухе сережка в виде болтающегося на цепочке якоря. Взгляд небольших, пронзительных глазок, настороженно дернувшись по сторонам, остановился на чужаках.

– Хау, бади, – парень улыбнулся, демонстрируя ряд кривых, торчащих вперед зубов. – Гуляете али шукаете шо?

– У нас ознакомительная экскурсия, – ответил Вениамин.

Парень крутанул на пальце короткую металлическую цепь с широкими, отполированными до зеркального блеска звеньями.

– Могу быть вам чем-то полезен?

– В каком смысле? – не понял Вениамин.

– Ну, ежели хотите отдохнуть в приличном месте, кайфануть немножко, с девочками поболтать или еще шо – так я запросто могу устроить.

– Чуть позже, – с благодарностью улыбнулся Вениамин. – Мы для начала осмотримся на месте.

– А с собой взять ничего не хотите? – предложил парень. – Есть «дурь» на любой вкус в удобной фасовке.

– В другой раз, – сказал Вениамин и сделал жест рукой, предлагая парню отойти в сторону.

Что тот и сделал, явно не имея намерения насильно навязывать свои услуги потенциальным клиентам.

– А ты гуторишь, шо никакой преступности, – сказал Вениамин, когда они отошли на некоторое расстояние от уличного торговца кайфом.

– Якая же это преступность? – с искренним удивлением посмотрел на спутника Сид. – Он же симпл предлагает нам свой товар.

– Выходит, у вас легализованы наркотики?

– Только в квартале Желтые Кирпичи.

– То ест, если я хочу як следует заторчать, а потом снять бабенку на ночь, то для этого достаточно сбегать в Желтые Кирпичи?

– По закону, употребить купленный здесь товар ты должен на месте. Индид, можно и вынести. Но, если за пределами Желтых Кирпичей тебя задержат, пусть даже с минимальной порцией самой легкой «дури», отвечать придется по полной программе.

– Интересная методика, – озадаченно наклонил голову Вениамин. – А пуркуа так?

– Ну, надо же пиплам где-то отдыхать, – ответил Сид.

Вениамин демонстративно посмотрел по сторонам:

– Шо-то я не вижу толп отдыхающих.

– Так подожди, еще не вечер, – улыбнулся Сид.

– Увеселительных заведений я тоже пока не замечаю.

– Хай здесь они все, – заверил Сид. – Сверни в любой проулок – и найдешь все, шо тебе треба. А на центральной улице только больницы, стационары и реабилитационные центры.

- Нам нужен кабак «Бивис и Батхед», – напомнил Вениамин.
- Так мы туда и идем. Только по дороге заскочим к одному моему сыберу.
- Это еще зачем? – насторожился Вениамин.

– Хай это тот же кыр, – успокоил Сид. – Я только парой слов с ним перекинусь. Нужно же дать знать, шо со мной все в порядке.

Не дожидаясь, что скажет в ответ на это Вениамин, Сид свернул в узкий проулок. Обвалов последовал за ним. В конце концов, пока у него не было причин не доверять Сидору.

Пройдя по узкому проходу между домами – раскинув руки в стороны, можно было коснуться одновременно двух противоположных стен, – они оказались в крошечном дворике. Посреди двора, залитого новеньким черным асфальтом, стояла красная интерфонная будка. Двери выходящих во двор подъездов украшали аляпистые рисунки – похабные голые девки, размахивающие кредитными карточками, скрещенные кинжалы, обвитые змеями, черепа и кости. Судя по стилю, художники были разные, но работающие в одной технике и примерно в одинаковой манере. Стены были обклеены тусклыми афишками, распечатанными не иначе как на принтере, давно уже отслужившем свой срок, и совсем уж крошечными бумажными объявлениями с топорщащейся снизу бахромой нарезки с номерами комп-скринов и интерфонов.

- Слухай, мне здесь не любо, – посмотрев по сторонам, честно признался Вениамин.

Возможно, Сид и мог что-то на это ответить, но сейчас ему было не до того. Парень подошел – почти подбежал – к интерфонной будке и, распахнув дверцу, заглянул в нее.

- Порядок! – радостно сообщил он Вениамину.
- Что-то я особого порядка не замечаю, – недовольно буркнул тот.
- Шмотки Луки в будке, а значит, сам он на своем обычном месте.

– Шо за тип этот Лука? Зачем он нам нужен? Где его обычное место? И пуркуа его шмотки находятся в интерфонной будке?

Последний вопрос казался Вениамину наиболее сложным, но именно с него Сид и начал излагать краткую историю Луки Голослова:

– Шмотки Луки в будке, бикоз он в ней живет. Лука Голослов – виршеплет. Ну, бард одним словом. Обычно он исполняет свои вирши под лютню на углу Бейкер-штрассе и Модем-стрит. Оттуда до «Бивиса и Батхеда» рукой подать.

- Шо же мы сразу на Бейкер-штрассе не двинули?

Сид посмотрел на Вениамина так, будто тот сморозил откровенную глупость.

- Нужно же было убедиться в том, шо шмотки Луки на месте.

Несомненно, это многое объясняло.

- А-а, – задумчиво протянул Вениамин. – А пуркуа он живет в интерфонной будке?

- Не ведаю, – пожал плечами Сид. – Любо, должно быть.

Вениамину казалось странным то, что кто-то по собственному желанию мог выбрать в качестве жилья интерфонную будку. Но, в конце концов, о вкусах не спорят. К тому же, не следовало забывать, что данная интерфонная будка находится на территории квартала Желтые Кирпичи, обитатели которого, судя по тому, что уже было известно о них Вениамину, отличались редкостным своеобразием.

Стараясь не отставать от Сида, Вениамин пересек двор, на ходу заглянув через стекло в интерфонную будку, – на полу стояли две большие, мятые картонные коробки и лежал туго скатанный матрас, перетянутый тонким шпагатом.

Для того чтобы войти под низкий свод узкой и необычайно длинной подворотни, Вениамину пришлось пригнуть голову. А потом еще и неловко прыгнуть, чтобы не вляпаться в лужу какой-то черной, маслянистой, дурно пахнущей жижи. Вениамин ожидал, что улица, на которую выведет его Сид, окажется похожей на канализационный отстойник, но, по счастью, опасения его не оправдались. Бейкер-штрассе выглядела вполне прилично. Все те же торчащие из дорожного покрытия деревья с пятипальными листьями и серые – отнюдь не желтые и,

конечно же, не кирпичные – стены домов. Впечатление несколько портило то, что окна первых этажей были зарешечены, а краска на стенах домов облупилась и местами сползала широкими полосами, из-за чего не всегда можно было прочесть украшавшие стены лозунги и короткие афористичные высказывания. Хотя, возможно, это было и к лучшему, поскольку большинство надписей имели в высшей степени неприличное содержание. А в некоторых, особо циничных, даже упоминались Хиллос, Уркест и Сидун, с их детьми и всеми оллариушниками, вместе взятыми.

– Я понимаю, шо это полное безобразие, – заметил Вениамин, имея в виду неприличные надписи на стенах.

– Нормально, – безразлично дернул плечом Сид. – Это же Желтые Кирпичи.

Да уж, квартал Желтые Кирпичи, – иначе и не скажешь. Но для того, чтобы понять, что сие означает, нужно родиться и всю свою жизнь – по крайней мере, большую ее часть – прожить на Веритасе.

У стены, что напротив подворотни, из которой вынырнули Вениамин с Сидом, стояли двое парней, одетые в разноцветные шорты и майки на тонких ляпочках. Ребята о чем-то тихо переговаривались, бросая при этом заинтересованные взгляды на появившихся точно из-под земли незнакомцев. На психов ребята не были похожи, но что-то не вполне нормальное в их облике все же присутствовало. Чуть дальше, прямо посреди улицы, на перевернутом ящике сидела дама весьма бальзаковского возраста, одетая в коротенький домашний халатик канареечного цвета, отороченный искусственными перьями. Закинув одну ногу на коленку другой, дама сосредоточенно обстригала ногти на большом пальце левой ноги. И казалось, ей нет больше дела ни до чего на свете.

– А вот и Лука! – радостно возвестил Сид, направляясь к еще одному странному субъекту, который стоял, привалившись спиной к углу дома.

Виршеплет был невысокого роста, имел круглые щеки, заметно выступающий живот и лысину, ползущую ото лба к затылку. Костюм Луки также трудно было назвать живописным – серый, затасканный свитер, пузырящиеся на коленках тренировочные штаны и армейские сапоги из кожама с обрезанными голенищами. По всем показателям – не менестрель, а грузчик со склада мороженой рыбы. Единственным, что определяло принадлежность Луки Гололова к славной и древней гильдии уличных певцов, была большая шестиструнная лютня, которую он держал как-то очень уж неуверенно – точно молодой папаша, впервые взявший на руки свое новорожденное чадо.

– Буэнос диаз, Лука! – приветствовал приятеля Сид.

Виршеплет медленно повернул голову и глянул на Сидора из-под полуопущенных век – взгляд у него был не то сонный, не то усталый, не то просто ко всему безразличный.

– Хау, бади, – вяло протянул Голослов.

Казалось, ему было лень не только ворочать языком, но и делать вообще что бы то ни было. В том числе и перебирать пальцами струны лютни.

– Куйдас кяси кяйб, Лука?

Виршеплет дернул самую высокую струну лютни, которая в ответ издала дребезжащий звук, режущий даже ухо, лишённое каких-либо претензий на музыкальный слух. Вместо того, чтобы ответить на заданный вопрос насчет того, как, мол, жизнь, Лука коснулся указательным пальцем колка лютни – вроде бы собирался подстроить струну, но в последний момент передумал – и произнес равнодушным голосом:

– А я мозговал, ты в тюрьге.

– Тюряга не для меня, – высокомерно улыбнулся Сид.

– Ну, рад за тебя, бади, – сказал Голослов. – Индид, рад.

Но не было при этом радости в голосе виршеплета. И даже более того – наклонил Лука голову и обтрепанным рукавом – вроде как незаметно, а на самом деле – самозабвенно играя на публику, смахнул скучную мужскую слезу.

– Эй, а с тобой-то шо за беда приключилась? – всерьез встревожился за приятеля Сидор.

Вениамин не стал демонстрировать свое отношение к происходящему, хотя глядеть на нелепое представление, которое устроил Голослов, было просто смешно. Понятное дело: для того чтобы творить, виршеплет должен страдать, но нельзя же в поисках мнимых страданий опускаться до столь дешевого лицедейства! В конце-то концов! Страдать тебе хочется, так завались в кабак да напейся в стельку. На следующий день получишь все сполна – муки как душевные, так и физические.

– Беда у меня, брат, – обреченно вздохнул Лука. – Ханум от меня ушла.

– Якая? – участливо поинтересовался Сид. – Та, черненька, с родинкой на носу?

– Найн, – удрученно качнул головой Лука. – Ту я сам прогнал. А эта – китаяночка, – Голослов восторженно закатил глаза. – Миниатюрная, что твоя фарфоровая статуэтка!

Вениамин не удержался и прыснул в кулак – надо же, какую оригинальную метафору нашел виршеплет!

– А шо так? – поинтересовался Сид.

– Все тот же проклятый квартирный вопрос! – Лука со злостью дернул струны лютни, заставив инструмент стонать и плакать. – Интерфонная будка, ведаешь ли, ее не устраивает! Тесно, разумеешь ли, в ней!

– Ну-у-у...

Сид явно не знал, что сказать. Быть может, ему и самому интерфонная будка казалась не совсем подходящим жильем для семейного человека?

Послушав это «ну-у-у», Вениамин решил, что пора положить конец бессмысленному и не в меру затянувшемуся разговору. Сид собирался поставить Луку в известность о том, что он снова на свободе. Что ж, он уже сделал это.

– Ара, инц лясир, мэнш молодой, – обратился к виршеплету Обвалов. – Мы уже разумеем, сколь много страданий пришлось вам пережить. Но, мозгую, как истинный вагант, вы уже переплавили свою боль в могучий стих?

Лука медленно повернул голову и посмотрел на Вениамина так, будто только что его заметил.

– Кто этот мэнш? – спросил он у Сида.

– Вениамин Ральфович, мой сыбер, – представил Обвалова Сидор. – Мы с ним вместе в «Ультима Эсперанца» сидели.

Молодец парень, хоть про побег не брякнул, подумал Вениамин. Но, вопреки его опасениям, Лука никак не отреагировал на упоминание о тюрьме. Он только спросил у Вениамина:

– Тебе вирши любы?

– Ужасно, – ответствовал Вениамин. – Но, к сожалению, сам я даром виршеплетства не обладаю. Поэтому стараюсь не упускать случая послушать вирши в исполнении истинных мастеров художественного слова.

Как ни странно, тирада Вениамина, насквозь пропитанная лезтью и ложью, произвела самое благоприятное впечатление на виршеплета. Лука приободрился и поудобнее перехватил лютню.

– Ну шо ж, могу исполнить кое-что из недавно написанного.

Голослов провел пальцами по струнам, и Вениамин невольно поморщился. Понятное дело, умение играть на музыкальном инструменте для виршеплета не главное, но для начала можно было хотя бы попросить кого-нибудь настроить лютню.

А потом Лука запел:

– Земной свой кыр барабез лишь на четверть,
Я закатился в глючный кауплус,
И луз мой клевый кыр на Бейкер-штрассе, —

тянул он протяжно и нудно.

– Замечательно! – захопал в ладоши Вениамин, дабы положить конец дьявольскому песнопению. – Великолепно!

Оборвав песню, Лука удивленно воззрился на слушателя. Должно быть, у него давно не было столь благодарной публики.

– Я получил истинное наслаждение, – заверил виршеплета Вениамин. – Но, мне кажется, шо я уже где-то это слышал. Твои песни, часом, не исполняют другие менестрели?

– Только не эту, – уверенно мотнул головой Лука. – Я написал ее сегодня ночью.

– Ну, значит, какие-то схожие мотивы, – смущенно улыбнулся Вениамин. – Сид, – ласково посмотрел он на своего спутника, – не пора ли нам двигать отсюда? Твой сыбер теперь в курсе, шо ты на свободе, хай и виршами его мы уже успели насладиться сполна.

– Индид, Лука, – Сид развел руками, как будто извиняясь за что-то перед виршеплетом. – Бизнес у нас.

Плечи Голослова опали, голова опустилась, руки едва не выронили лютню.

– Разумею, – не произнес, а простонал он. – У всех свой бизнес, и никому нет бизнеса до невзгод виршеплета.

– Ты не прав, Лука, – попытался укорить приятеля Сид.

– А, – безнадежно махнул рукой Голослов. – Пойду напьюсь.

Вениамин вздохнул с облегчением: наконец-то виршеплет принял правильное решение.

– Только сначала схожу к дому Су Инь и пропою под ее окном серенаду.

Вениамин едва не выругался в полный голос. Нет, что ни говори, а бездарные виршеплеты – люди не от мира сего. В смысле – очень подозрительные и странные типы.

– Мув, Сид! – уже не позвал, а потребовал Вениамин. – Или ты намерен здесь до вечера остаться?

– Хай, нам идти-то всего, – Сидор махнул рукой, указывая на дом, стоящий на другом углу перекрестка.

Вениамин недоуменно уставился на здание, похожее скорее на богадельню, нежели на питейное заведение.

– Это – кабак?

– Хай, – кивнул Сидор.

– «Бивис и Батхед»?

– Индид.

– А пуркуа вывески найн?

– А на фига? – пожал плечами Сид. – Когда и так все знают, шо это кабак «Бивис и Батхед».

Логика типичная для Желтых Кирпичей.

– Но то цо, мы идем или найн?

– Хай, Лука, – снова обратился к приятелю Сидор. – Ты Канишеффа сегодня не видел?

– Як же, не видел, – с обидой в голосе проскулил Голослов. – Я ему сегодня утром полчаса вирши запевал, а он, зараза, так и не раскошелился. Хотя плясать-то плясал – як завсегда.

– И куды он потом?

– Вестимо, куды, – Лука грифом лютни указал на здание, в котором, по словам, Сидора находился кабак. – Як в кабак завалился, так боле и не вылезал.

– Аригато, Лука, – Сидор ободряюще потрепал виршеплета по плечу. – Не грусти, будет и на нашей штрассе пати.

– Хазер, – мрачно буркнул в ответ Лука. – А ты, мэньш, – обратился он к стоявшему в стороне Вениамину, – грошей виршеплету не подкинешь?

– Хиллос подаст, – процедил сквозь зубы Вениамин. – И хай пребудет с тобой Оллариу. Сказал и пошел, держа курс на дверь кабака.

– Гуторь, Вениамин Ральфович, – обратился к Обвалову догнавший его Сид. – Тебе вирши Луки индид любы?

– Смеешься?

– А-а... – Сид озадаченно почесал затылок. – А мне показалось, шо любы.

– Где ты познакомился с этим нищим духом?

– Хай здесь же, на углу, – Сид снова поскреб в затылке.

– И на фи́га он тебе?

– Ну як же... – словно ища ответа, Сид растерянно повертел головой по сторонам. – Он же, як ни як, виршеплет... Ну, того, в смысле, – талант.

– Таланта в нем ни на грош, – уверенно заявил Вениамин.

– Ну, это ты зря, – обиделся за друга Сид.

– Хай, какое там, – буркнул Вениамин, продолжать спор он не имел ни малейшего желания. – Сюда, шо ли? – спросил он, взявшись за ручку обшарпанной двери.

Сид молча кивнул.

Вениамин распахнул дверь и, сделав всего лишь шаг, оказался в мрачном полутемном помещении, похожем на ружейный ящик. Три окна по правую руку, выходящие на улицу, были заклеены пленкой, имитирующей витражи, да такие, что при одном лишь взгляде на них хотелось закрыть глаза. Или уткнуться взглядом в кружку пива – может быть, в этом как раз и состоял тайный замысел неизвестного дизайнера? В дальнем конце находилась стойка с тремя пивными кранами и составленными горкой высокими стаканами. За стойкой, подперев щеку кулаком, дремал толстомордый бармен. Меж дверью и стойкой были втиснуты шесть небольших круглых столиков – по три с каждой стороны, – покрытых одноразовыми скатерками. На каждом столе – стандартный набор со специями, подставка с салфетками и стаканчик с зубочистками. На потолке медленно вращался большой пятилопастный вентилятор, – и где только такой откопали эти самые Бивис и Батхед? – вроде как разгоняя тяжелый, застоявшийся дух не самого лучшего пива и кислой отрыжки.

Посетителей в кабаке было немного. Троица, сидевшая в углу за столом с батареей пустых стаканов, что-то оживленно и громко обсуждала. Правда, о чем шла речь, разобрать было невозможно: слова тонули в жуткой какофонии звуков, вываливающихся из трех подвешенных под потолком динамиков. Еще один посетитель сидел за столиком в одиночестве, сложив руки перед собой и пристально глядя на стакан, в котором пива оставалось еще примерно на три глотка. Одет он был в темно-синий комбинезон, какие обычно носят ремонтники да подсобные рабочие, – ничего примечательного, если не считать того, что весь комбинезон, точно шкура леопарда, был покрыт черными маслянистыми пятнами. А вот внешность у человека была весьма приметная. Лицо его выглядело так, словно по нему проехался каток, – большой нос был расплюсчен и свернут налево, правый угол рта начинался едва ли не от носа, а левый расплзался по скуле, почти касаясь уха, левый глаз также казался значительно больше своего соседа, к тому же правый почти полностью закрывало распухшее, воспаленное веко. Довершал асимметричную картину роскошный малиновый карбункул на левой щеке. Ушей видно не было – их прикрывали расчесанные на прямой пробор сальные волосы цвета подгнившей соломы, – но, не боясь проиграть, можно было биться об заклад, что левое ухо странного типа больше правого. А вот о возрасте его ничего определенного сказать не удалось бы – уродливая деформация лица стирала всякое представление о годах.

Едва взглянув на человека с перекошенным лицом, Вениамин тут же решил, что это и есть тот, кто ему нужен. Не дожидаясь, когда Сидор подтвердит его догадку, он подошел к столу, за которым сидел уродец, и, наклонившись, негромко спросил:

– Мсье Канишефф?

Не повернув головы, уродец скосил на Вениамина один большой левый глаз. Левый край рта дернулся, точно перед плевком. И выплюнул:

– А не пойти ли тебе в жопу, мэньш? До моей смены еще пять часов. И як я за это время протрезвею – не твоя забота. Алес! – кулак урода хлопнул по столу так, что баночки для специй тихо звякнули.

– Я тоже рад тебя видеть, мсье Канишефф, – Вениамин улыбнулся и уселся за стол напротив пьяного чистильщика. – Но ты ошибаешься – я не инспектор. Я здесь для того, чтобы сделать тебе предложение, от которого, мозгую, ты не сможешь отказаться.

Не глядя на Вениамина, Жан-Мари Канишефф взял стоявший перед ним стакан и залпом допил остававшееся в нем пиво. Донышко стакана звучно стукнуло по столу, а Канишефф удовлетворенно крикнул. Или все же неудовлетворенно? Вениамин пристально посмотрел в открытый глаз чистильщика.

– Ну, шо пялишься? – лицо Канишеффа исказила безобразная гримаса, которая, по видимому, должна была изображать ухмылку. – Добавить треба!

– Сид, – обратился к стоявшему неподалеку парню Вениамин. – Будь любезен, закажи нам с мсье Канишеффым по стакану ылу.

Вывернув шею под углом, невозможным для нормального человека, Жан-Мари одним глазом уставился на Сиду.

– Ха! – гаркнул он и снова вмазал по столу кулаком. Похоже, для него это был привычный способ выражения эмоций. – И Сидор здесь! Куйдас кяси кяйб, бади? Як вита, як сам?

Канишефф протянул руку, чтобы дружески потрепать Сиду по плечу, но, неприязненно глянув на чистильщика, парень сделал шаг назад.

– Чем расплачиваться будем? – мрачно глянул он на Вениамина. – У меня грошей найн.

– Ну а какой тогда спич, коли грошей найн! – с удрученным видом развел руками Жан-Мари.

– Держи, – Вениамин протянул Сидору пластиковую карточку.

Сид удивленно посмотрел на средство оплаты, оказавшееся у него в руках. Стандартная карточка на предъявителя. Счет в «Оллариу-банке». Все голограммы и коды вроде как на месте. Сидор перевел задумчивый взгляд на Вениамина. Откуда у него карточка? При обыске в тюрьме все документы и платежные средства должны были забрать... И ведь прежде никому еще не удавалось сбежать из «Ультима Эсперанца»... В голове у Сиды мелькнула не до конца оформившаяся мысль: а что, если Обвалов тайный агент джанитов? И если так, то что ему нужно?..

Процесс формирования мысли был прерван вопросом Вениамина:

– Инчэ, Сид? Тебе карточка не любя?

Парень еще раз перевернул кредитку двумя пальцами.

– Хай, вроде як все в порядке.

– Но то цо?

Пытаясь передать невероятно сложную гамму чувств, Сид двинул бровями. И не нашел ничего лучшего, как сказать:

– Тогда я и себе ылу возьму.

– Рано тебе еще, – осадил Вениамин. – Соку купи.

– Хай? – обиженно насупился Сид. – На Мусорный остров, значит, не рано, а ылу стакан – рано?

– Я тебя на Мусорный остров не отправлял, – резонно возразил Вениамин.

- И шо с того?
- Тебе сколько роков?
- Двадцать один!
- Не тренди.
- Кирдык, восемнадцать.
- Ну вот як исполнится двадцать один...
- Ну так иди и сам покупай себе ьлу!

Сид кинул кредитку на стол, сел к Вениамину спиной, демонстративно сложил руки на груди и вытянул ноги в проход. Вениамин молча созерцал стриженный затылок парня. С одной стороны, задачу свою Сидор выполнил и вроде как был уже не нужен. Но, если подумать, черт знает, какие еще сюрпризы могла подкинуть чудная оллариишная жизнь на Веритасе?

- Давай я за киром схожу, – предложил Жан-Мари. – Мне не в падлу.

Вениамин стукнул краем карточки по столу и с сомнением посмотрел на Канищеффа.

– Не советую, – по-прежнему глядя на соседний столик, угрюмо произнес Сид. – Он у тебя с карточки все, шо есть, снимет и на свой счет в кабаке запишет.

- Ты шо, бади! – взвился Канищефф. – Хай мне!.. Хай меня пчелы кусают!..

- А то я тебя не ведаю, – с чувством собственного превосходства усмехнулся Сид.

Вести переговоры с Канищеффым, не поставив ему предварительно выпивку, явно не имело смысла.

- Ладно, – поднялся со своего места Вениамин. – Сам схожу.

– Валяй! – с готовностью согласился чистильщик. – Только мне бы еще и водочки. Можно даже паленой: я мэнш без претензий.

Сид ничего не сказал – злорадствовал молча.

- Буэнос диаз, – подойдя к стойке, вежливо поприветствовал бармена Вениамин.

Подняв опущенные на глаза веки, бармен равнодушно посмотрел на посетителя.

Вениамину взгляд его не понравился.

– Ты хто? – поинтересовался Вениамин уже в более развязной манере. – Бивис или Батхед?

– Не тот и не другой, – ответил бармен скрипучим голосом. – Я – ИскИн восьмого поколения.

Вениамин перегнулся через стойку – у бармена отсутствовали ноги. Туловище ИскИна было закреплено на круглой вращающейся станине, которая могла передвигаться вдоль стойки.

- И давно ты здесь? – уже с сочувствием поинтересовался Вениамин.

- С тех пор, как с корабля списали, – ответил ИскИн.

- Скучно, поди?

– Скучно, – согласился ИскИн. И тут же добавил: – Но я не жалуясь. Других ИскИнов моей серии вообще на реконструкцию отправили.

- Так что ж, повысили бы ай-кью, и снова на прежнее место.

- А тебе ай-кью когда-нибудь повышали?

- Да мне это вроде как ни к чему, – улыбнулся Вениамин, приняв слова ИскИна за шутку.

– Вот то-то и оно, – ИскИн неплохо симитировал тяжелый вздох. – А кто знает, что со мной станет после того, как в мозгах у меня техник покопается? Может быть, после этого я буду уже не я?

- А так торчишь в кабаке на паршивой планетке, – возразил Вениамин.

– Ну и что? – с вызовом вскинул подбородок ИскИн. – На то, чтобы гроши считать, мне мозгов хватает!

– Ну и черт с тобой! – обозлился вдруг на несговорчивого ИскИна Вениамин. Что за день сегодня такой – все с ним спорят! – Заказ прими.

– Запросто, – отозвался ИскИн и, точно заправский бармен, взмахнул салфеткой, сметая со стойки несуществующую пыль.

– Здорово ты наострился, – одобрительно хмыкнул Вениамин.

– Конкуренция высокая, – ответил ИскИн-бармен. – Знаешь, сколько нашего брата ежегодно в лом списывают?

– Да сейчас, поди, ни одного восьмого ИскИна в космофлоте не осталось.

– Вот именно, – назидательно поднял указательный палец ИскИн. – Поэтому нужно вернуться, чтобы хозяин не решил вдруг с дуру ума заменить меня на ИскИна более нового поколения, – бармен чуть подался вперед и доверительным тоном спросил: – Говорят, сейчас уже и двенадцатые в реконструкцию идут?

– В дальних колониях двенадцатые еще работают, – ответил Вениамин. – Но там, где народец с запросами, требуются ИскИны не ниже четырнадцатого поколения.

– Вот видишь, – ИскИн произнес это так, будто не ему, а Вениамину грозила реконструкция с целью повышения ай-кью. Вновь взмахнув перед клиентом салфеткой, бармен услужливо осведомился: – Шо пить будем?

– А что посоветуешь?

ИскИн, прищурившись, посмотрел на Вениамина оценивающим взглядом.

– Я по говору разумею, вы не местный?

– Верно разумеешь, – кивнул Вениамин.

– В таком случае лучше не берите ничего.

– А что так?

– А все дерьмо. Более того, – ИскИн вновь перешел на доверительный тон, – в квартале Желтые Кирпичи нет ни одного приличного бара.

– А ты-то откуда знаешь, если все время за стойкой торчишь?

ИскИн усмехнулся:

– Единая сеть поставок.

– И тем не менее, – Вениамин положил на стойку кредитную карточку. – Два раза по пятьдесят водки и два стакана пива, что попримечнее.

– Попримечнее нет, – ответил бармен, вставляя карточку в контрольную щель кассового аппарата.

– Ну что ты мог бы посоветовать?

– Мог бы посоветовать ячменное пиво.

– А что, бывает другое? – удивился Вениамин.

– Бывает гороховое, – начал перечислять бармен. – Бывает...

– Алес, хватит, – прервал его Вениамин. – Наливай ячменное. Два... Нет, пожалуй, лучше три стакана.

ИскИн проворно собрал заказ. Получив назад кредитную карточку, Вениамин взял со стойки поднос со стаканами и рюмками и быстренько переправил его на столик.

Окинув алчущим взором то, что стояло на подносе, Жан-Мари в предвкушении потер руки:

– Хай это просто праздник какой-то!

– Угощайся, – сделал приглашающий жест рукой Вениамин.

Канищефф не заставил просить себя дважды. Подхватив с подноса рюмку водки, он поднял ее до подбородка, выставив при этом локоть в сторону под прямым углом, и радостно провозгласил тост:

– Ну, значаца, оллариу, сыберы! – и тут же выпил.

Глядя на то, как сморщилась его и без того перекошенная физиономия, Вениамин с запоздалым сожалением подумал о том, что не взял ничего закусить. Но Канищеффу закуска

не требовалась. Стукнув доньшком пустой рюмки по столу, он игриво подмигнул Вениамину здоровым глазом, подхватил стакан пива и разом осушил его наполовину.

Вениамин взял второй стакан пива себе, а третий поставил перед Сидором:

– Шо это ты? – подозрительно глянул на Вениамина Сид.

Не имея желаяния выяснять отношения еще и с парнем, Вениамин лишь слегка поморщился и сказал:

– Хочешь – пей, не хочешь – отдай Жану-Мари.

– Точно! – обрадовался чистильщик. – Давай мне!

– Перебьешься, – недовольно буркнул Сид и ухватил стакан рукой.

Вениамин осторожно попробовал пиво, подозрительно светлое на цвет. Не сказать чтобы содержимое стакана вкусом было похоже на мочу, но и тот благородный напиток, что в понимании Вениамина должен именоваться пивом, оно ничем не напоминало.

– Ну, еще по одной! – радостно возвестил Канищефф и потянулся ко второй рюмке водки.

– Э, найн! – опередив его, Вениамин прикрыл рюмку ладонью.

Лицо Жана-Мари обиженно вытянулось:

– А шо так?

– Сначала о бизнесе поговорим.

Канищефф посмотрел сначала на ладонь, под которой пряталась заветная рюмка, потом на Вениамина – чтобы окончательно убедиться в том, что без разговора, на котором настаивал клиент, водки он не получит, – и обреченно вздохнул:

– Ну, давай о бизнесе.

– Ты, як я слухал, в космопорте робишь, – начал Вениамин.

– Точно! – с гордостью выпятил грудь чистильщик. – У нас, у Канищеффов, это семейная традиция! И отец мой в космопорте робил, и дед робил. И дядька мой, пока с катушек не слетел, тоже там же гроши зарабатывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.